

Андрей Лео

СДЕЛАЙ, ЧТО СМОЖЕШЬ
НАЧАЛО

Андрей Васильевич Лео
Сделай, что сможешь. Начало
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67958165
Сделай, что сможешь. Начало: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-150950-7

Аннотация

Сознание немолодого предпринимателя, инженера нашего времени, попадает в тело крестьянского паренька, живущего в Сибири середины девятнадцатого века. Суровое время, суровые условия жизни. Нужно выжить и обеспечить дальнейшее достойное существование себе и близким. В этом нашему герою помогут сестра Машка и знахарка Софья Марковна, которая приютила и вылечила его.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	31
Глава 3	59
Глава 4	83
Глава 5	108
Глава 6	135
Конец ознакомительного фрагмента.	148

Андрей Лео Сделай, что сможешь. Начало

© Андрей Лео, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава 1

Ох, где ж был я вчера? Ох-х... Да хрен с ним вчера, где я сейчас-то? Ё-моё, это чё за халупа? Стены старые, бревенчатые. Охотничий домик, что ли? Чёрт, ну и темно же здесь! Кто ж такие маленькие окошки делает?.. Или это баня? Не-е, не похоже. Хлама везде валяется много, и видок у помещения весьма непрезентабельный. Не пойму: мы на охоте? Хотя какая, к чертям, охота? Вроде в кабаке вечером сидели. Или нет?.. Ну точно, джип Вадика обмывали. Неужели упились все вдрабадан и за город попёрлись?.. Ничего не помню.

А что вспоминается из последнего? Разгулялись мы душевно, хохмы, анекдоты и спиртное лились рекой. Потом актёры к нам подвалили, пять балбесов в царской военной форме, один даже в гусарский ментик вырядился. Хм, а может, мы кино смотрели? Да нет, ребята как раз Вадика поздравляли, к тому же я на тот момент ещё довольно трезвый был... Относительно. И не актеры они, а реконструкторы какие-то. Во! Правильно! И Вадик в форме приехал, новым званием похвастал. Наконец-то до полковника дослужился. Сразу пошли офицерские тосты всех времён и народов. Дальше мы песни орали, а затем – темнота. Кто ж меня сюда приволок?

Э-э, а что это за хрень по лицу скачет? Оба-на, кажись, блоха. Только этого мне для полного счастья и не хватало!

И тело, чувствую, всё чешется. Ёхарный бабай, убью тех гадов, которые мою бессознательную тушку в этот клоповник забросили!

Разозлившись, попытался встать и рухнул на пол, запутавшись ногами в какой-то тряпке. Руки и ноги словно не мои. Ого, а пол-то земляной! Та-ак, обувь где? Ни фи-ига не вижу. Ай, да бог с ней, доползти бы до двери. О, тут лестница вверх идёт, это я в землянке, значит. Или в подвале? Ох, солнце-то как шпарит! Глаза мои бедные.

И ни души рядом. Не понял: меня одного оставили?

А вокруг тишина-а... и... красиво! Аж все матюги в горле застряли.

Передо мной лежало небольшое поле, усеянное зелёными грядками и огороженное старым, немного покосившимся плетнём. Я лишь в детстве у бабки подобное видел. За спиной – странная полуземлянка, из которой еле выползти удалось, а слева – пруд. И всё это хозяйство окружает высокий лес. Я в Карелии, однозначно, больше под Питером такой лес нигде не найдёшь. И пожалуй, далеко в Карелии, ведь в Финку меня пьяного не могли уволочь... Или могли? Ну зашибись погуляли! Эх-х, даже в морду дать некому, никого поблизости не наблюдается. Обидно, блин!

Наверно, долго мне ещё пришлось бы тупо пялиться по сторонам, если б ноги не замёрзли, а посмотрев вниз, я просто впал в ступор. Ноги не мои! Из-под мешковатой рубахи, едва достающей мне до колен, торчали худющие детские

ножки. И руки детские. Заглянул за ворот рубахи – и тело тоже.

Во попал! Точно. Попаданец. Перенос сознания, едрить твою налево. Для проверки пощипал себя и похлопал по щекам. Не помогло. Не бывает столь реалистичных глюков. Так, собираем мозги в кучу, пока совсем не разбежались. Опять оглядываем руки, ноги, тело. Ага, тело, как же – тушка сушёная и рёбра торчат. Хорошо хоть пацан. Тут сердце дало сбой, я замер и, резко подняв рубаху, заглянул между ног. Фу-у, нормальный такой пацан. В натуре.

Да-а уж, ошастливили тебя, Саша, основательно. Интересно, кто это постарался? Чужая белая горячка случайно в гости заглянула? О-о нет, вряд ли. Слишком реальна окружающая действительность. Инопланетяне? Вселенский разум? Ой, да чего теперь гадать, перенос – он и на альфе Центавра перенос. И какой вывод из произошедшей лабуды мы сделаем? Судя по землянке и рубахе, на меня надетой, нахожусь я в историческом прошлом. Хотя если здесь бегают гоблины с эльфами, то я попал... Вот именно ПОПАЛ. В смысле чёрт его знает, куда попал!

Я представил, как умоляю первого встречного длинноухого чудика объяснить мне тайны окружающего мира, а тот, отклеивая уши, говорит, что он толкиенист¹, а не то, что я сперва подумал, и советует: «Мальчик, ты в лесу не все гри-

¹ Толкиенисты – фэндом поклонников книг Дж. Р. Р. Толкина. – *Здесь и далее прим. авт.*

бы кушай. Мухоморы – бяка, есть их нельзя». Ха, лезет же в голову бредятина... Ну... раз юморим, то с мозгами всё в порядке.

Ладно, шутки шутками, а исключать ушастых не стоит. На этом этапе размышлений моё сердце дало очередной сбой, и я схватился за свои уши; потом, удостоверившись, что они вполне человеческие, с облегчением выдохнул. Надо же, и десяти минут тут не провёл, а уже задёрганный стал. Та-ак, расслабляемся и вспоминаем рассказы о попаданцах. Коль я попал, то, может быть, и часть из написанного о них правда? Что там про магию было? Я попытался изобразить крутого волшебника, но сколько ни пыжился, силой мысли ничего поднять не смог, а формируя фаербол² в своих скрюченных ладошках, чуть не родил. Не-е. Не джедай³.

Всё, хорош маразмом страдать, с магией и после разберёмся. Когда её найдём. Давай-ка, Саша, для начала территорию внимательно осмотрим, может, это прояснит ситуацию.

«Работаем», – как любит говорить Вадик... или любил... или будет любить. Тьфу, зараза! Знать бы ещё, где мой друг сейчас. Даже не удивлюсь, если он в данный момент из соседней землянки на карачках выбирается... в платице и с косичками. Да-а... хороший прикол получился бы. Многое

² Фаербол (*англ.* fireball) – огненный шар.

³ Джедаи (*англ.* Jedi) – персонажи эпопеи «Звёздные войны», рыцари-миротворцы, члены Ордена джедаев. Джедаи умеют направлять Силу, что даёт им суперспособности.

бы я отдал за то, чтоб посмотреть, как настоящий полковник в обличье маленькой девочки с матюгами по огороду носится.

Нервно похихикивая, обошёл землянку. Она примерно четыре на пять метров по площади и в высоту от земли около полутора, точнее за отсутствием средств измерения и не скажешь. На крыше слой дёрна, окна махонькие и затянуты непонятной фигнёй, похожей на кожу. А-а, так вот ты какой, бычий пузырь⁴. То-то темно внутри. Недалеко, метрах в десяти от землянки, вырыт погреб. Заглянул в него, там валяется одна-единственная бочка, и та пустая. В самой землянке стоят: две лежанки, покрытые шкурами, две лавки, стол, два сундука, печка убогая и гибрид шкафа с сервантом, а в нём куча горшков и плошек.

Некоторые горшки полные. Есть гречка и пшено, мука пшеничная и ржаная, мёд с кедровыми орешками. Внизу в мешках то же самое. Тут же пара небольших пустых бочонков стоит. О, ножичек лежит. Паршивый ножичек. У входа кадушка с водой, возле неё топор и несколько поленьев. В сундуках какая-то древняя одежда, да и то одни женские сарафаны, длинные рубахи, юбки и платки. Ёклмн, а где ж я трусы-то со штанами оставил?! В той жизни, что ли?! Куча барахла, а самого нужного нет. И обуви моего размера тоже

⁴ Бычий пузырь – мочевого пузырь крупного рогатого скота. Натянутый на каркас после определённой обработки, в старину он использовался в окнах вместо стекла. Был полупрозрачен.

не видно.

По стенам корзинки и лукошки всякие развешаны. На лежанках шкуры расстелены, довольно грязные и воняют сильно, и насекомых там, наверно, немерено. Сундуки укрыты дерюгой, напоминающей ткань старых мешков; помню, в детстве отец картошку в таких приносил. Ткань моей рубахи поновее выглядит. Её швы вручную прошиты. По краю подола вышивка идёт, на рукавах и у ворота бегущие человечки и олени изображены, больше изысков не наблюдается.

И что мы имеем в итоге? Имеем?! Да о чём это я? Помимели, скорее, нас. В плюсе, по-видимому, одна молодость. Правда, моё бывшее тело пятидесяти шести годов от роду было в отличном состоянии и мне нравилось, а это тельце ещё откармливать и откармливать. Если судить по землянке и предметам внутри неё, век на дворе точно не двадцать первый, вряд ли в России или в той же Канаде моего времени существует такое жильё. Признаков цивилизации не наблюдается. Нет целлофановых пакетов, нет пустых бутылок, одежды нормальной и той нет. Вся здешняя посуда явно на гончарном круге сделана, а там, откуда я свалился, дешевле и проще приобрести советский алюминий на пару с китайским пластиком.

О-хо-хо... Гончарный круг, помнится, в Европе появился в первом тысячелетии до нашей эры. В России – не помню, но вроде бы не ранее пятого века; значит, до севера он добрался бы веку этак к десятому. А срубить землянку могли и

в середине двадцатого, только стёкла в оконца при советской власти даже в этом захолустье уже вставили бы. Гвоздей в доме нет, вся мебель на деревянных клиньях собрана. И построен терем-недоросток не так давно, полвека не прошло: брёвна хорошо сохранились.

Вот дурень, зелень на огороде не осмотрел! Я рванул наружу. Домчавшись до грядок и увидев картофельную ботву, обрадовался ей, как родной. Без картошечки мне бы тяжко пришлось: люблю ее, родимую, в любом виде. Ну хоть не ниже Пети Первого⁵ провалился, и то хлеб. Кстати, о хлебе: жрать охота. В землянке всего один сухарь нашёлся. Может, картошки испечь? Пора ей дозреть, погодка на дворе шепчет: скоро осень.

Не-е, с готовкой спешить не следует. Лучше сочной морковкой похрустим, хозяев подождём. Судя по впалому животу и выступающим рёбрам, это тело здорово поголодало, тяжёлую пищу ему нельзя. Колбасит его, стало быть, с голодухи, а не с бодуна, как я вначале рассудил. Еда есть, а тельце не ело. Болело, что ли? Или меня ждало? Чтоб покормил.

Натаскав морковки с репкой, пошёл отмывать всё в пруду, заодно по отражению в воде свою новую мордашку заценил. А ничего физия, нормальный такой лохматеус, не курносый, не лопухий. Мне понравился. Не гоблин зелёный, и слава богу.

Морковка пошла на ура, репа тоже, а вот ягод я что-то

⁵ Картошка в России появилась при Петре I.

здесь не вижу. Жаль. Но можно мёда с орехами в землянке отведать. Эх-х, а у мамы на даче огурчики, помидорчики, кабачки жареные. Ой, да чего там только нет! Ша, Саша, остановись, а то слюной подавишься.

Пока отмывал добытое на огороде, руки немного замёрзли: вода в пруду не слишком тёплая. Не помешает печь разжечь в землянке для обогрева, пусть уютнее станет в нашей берлоге. Стоп, а не поспешил ли я насчёт «нашей»? Хороший вопрос.

Но спускаться в тёмную, мрачную землянку жутко не хотелось. На улице-то солнышко припекает. Лепота. Я присел на скамейку рядом со входом. Навалилась усталость. Кажется, у меня начался отходняк. Видать, проснувшись, двигался исключительно на адреналине, а теперь – у-у... Надо посидеть, отойти. Потихоньку расслабляясь и догрызая последнюю морковку, обдумывал дальнейшую жизнь. Вероятно, я всё же в прошлое своего мира попал, не похожа эта землянка с огородом на заповедник в эльфийском лесу. М-м, но зарекаться не будем, ох не будем.

Ладно, как бы там ни было, а жизнь в лесу не сахар. Разумеется, опытный человек и в глухой тайге способен с комфортом устроиться, но без оружия и техники тяжело придётся. С временем, пожалуй, определились: я сейчас нахожусь в промежутке с одна тысяча семьсот тридцатого по одна тысяча девятьсот тридцатый год. За два века в сельской глубинке почти ничего не изменилось. Самое оптимальное

для меня – собирать грибы и охотиться, но с этим детским телом я зимой намучаюсь. При первой же возможности нужно перебраться в город или в то место, которое городом называют. Лучше всего сразу в столицу махнуть. А там...

Однако вернёмся на грешную землю. Добывать нынче смогу лишь всякую животную мелочь, появятся шкурки на продажу и мясо для прокорма моего растущего организма. Желательно для начала лук сделать. Хрень, конечно, в таких условиях получится, а не лук, но на безрыбье и козлом замаякаешь. Вообще-то, в стрельбе из лука я нормально тренировался только в институте, а потом в основном баловался. Остаётся надеяться, мастерство не пропито.

По уму бы арбалет сварганить, но его на коленке не сляпаешь, тут более серьёзный подход требуется. Необходимо также вспомнить устройство силков и ловушек. С деревянным копьём возиться, наверно, и смысла нет: меня в нынешнем состоянии любой хищник завалит просто отмахнувшись лапой от острой палки. Следовательно, ежедневный бег по пересечённой местности стоит первым пунктом выживания, а вторым – лазанье по деревьям.

Хм, а не рано ли я стал планировать новую жизнь? Ведь ещё неизвестно, где я, кто я. Да и что-то чересчур спокойно воспринимается мною этот неожиданный перенос сознания. Сижу тут, размышляю, и никаких признаков паники не наблюдается. Самое смешное, даже волнует меня сейчас совершенно другое. Эх-х, почему ж не везёт-то так со стартовыми

условиями?!

Ещё вчера прекрасно жил: работа нравилась, денег завалилось, на все причуды хватало, детей прекрасных воспитал, друзья замечательные, здоровье как у быка. С женой, правда, развёлся. Так культурно, даже друзьями остались. А начинать пришлось с самых низов; пока себя человеком почувствовал, много шишек набил. И в этой жизни, видимо, те же яйца, только в профиль.

У других попаданцев сознание всяких царей или князей выискивает для размещения с комфортом. Нужные прибабасы и артефакты в нагрузку прилагаются. А я опять босой и без трусов. Мне бы самого завалищего принца – я бы не страдал, что королевство маловато, в любом разгулялся бы.

Чёрной волной тоска накатила, захотелось заорать прямо в небо:

– Ау, инопланетяне! Дайте карту уровня, пожалуйста! Где вход на следующий? Нажмите перезагрузку!

– Ты чего раскричался?

Чёрт! Подскочив с перепугу, я чуть на землянку не запрыгнул. Из-за угла вышла тётка с клюкой, в сером заношенном одеянии, голова по-старушечьи платком обмотана.

– Чего раскричался, спрашиваю?

Я впал в ступор. На инопланетянина эта тётя явно не тянет. Может, бабка пацана?

– Э-э... бабушка...

– Какая я тебе бабушка? Ты зачем встал? Тебе лежать на-

добно, помрёшь ведь. Что мне отец твой скажет? Машка уже успела ему об улучшениях растрепать.

Еле смог пролепетать:

– Да там блохи.

Тётка не размахиваясь вlepила мне клюкой по бедру. Ох ёж твою, больно-то как!

– С тобой эти блохи пришли – тебе и кормить. А ну, быстро в постель! – Она замахнулась уже серьёзно.

Я от греха подальше поскорее юркнул в землянку. Отпор ей дать можно и в нынешнем состоянии, но оно мне надо – ссориться с единственным на данный момент человеком, который способен предоставить информацию о здесь и сейчас. Помнится, в старые времена суровое отношение к детям считалось нормальным, буду выпендриваться – прибьют на фиг, и вся недолга. Если это действительно восемнадцатый-девятнадцатый век, как я предполагаю, то летать мне после выздоровления быстрее тапка.

Закапываясь в шкуры, я старательно прислушивался к громкому ворчанию местного «жандарма», а устроившись, попытался осмыслить неожиданную встречу. Самое главное из всего услышанного – тут говорят по-русски. Значит, всё же прошлое. О болезни я правильно догадался, и кризис уже миновал. Слабость ощущается, но дело идёт на поправку. А лечила меня, очевидно, эта карга, очень на ведьму похожая.

Одежда у неё, как на фотках крестьян царской России времён Николая II: серо-синяя хламида, напоминающая са-

рафан с кофтой, да платок этот странный. Но думаю, так одеваться могли и при вторжении Наполеона. Присутствует какая-то Машка, наверно помощница. А ещё у меня есть отец, которого побаиваются. Что ж, придётся симулировать потерю памяти. Представляться вселенцем из будущего? Ну его на фиг, сожгут или утопят по-тихому. И ведьму заодно. Зачем нам демоны? Не-е-е, нам демоны ни к чему. Аминь, буль-буль.

Мои размышления прервал приход ведьмы. Я постарался изобразить лёгкий испуг.

Подошла, посмотрела и прошипела, хитро прищурившись:

– Что, боишься?

Блин, чуть не ляпнул: «Страшнее видали». В этих потёмках её и не разглядеть-то нормально.

– В огороде зачем морковку вытаскал?

– Есть хотелось.

– Наелся?

– Нет.

– Это хорошо. Сейчас заячьих лапок сварю. А тебе поспать необходимо. – Она махнула рукой в мою сторону.

«Ага, уснешь тут в вашем клоповнике», – только и успел подумать я и... вырубился.

Разбудил меня божественный запах мясного супа. Открыв глаза, столкнулся взглядом с внимательно наблюдавшей за

мною давешней тёткой. Чёрт, что-то слишком уж пристально она меня рассматривает. Не к добру это.

– Ты другой стал.

Во, бляха-муха, рентген на ножках на мою голову выискался. Держись, Саша, иначе расколется тебя ведьма до самой задницы, а там и до безвременной кончины недалеко.

– Что ж в тебе изменилось? Не пойму я.

Нужно что-нибудь сказать, отвлечь как-нибудь.

– Я ничего не помню.

Голос у неё из задумчивого стал немного испуганным.

– Совсем ничего?

– Не знаю.

Она наклонилась ближе и требовательно спросила:

– Отца, мать?

– Не-е-ет.

– Обманываешь, – прищурилась ведьма.

Оба-на, она ещё и детектор лжи ходячий! Мне следует врать ей о-очень осторожно, а лучше совсем не врать.

– Сеструху помнишь? Вчера за тобой убирала.

– Не-е-ет.

– А братьев?

– Нет.

– А деревню?

– Нет.

– Вроде не врешь. – Тётка сразу как-то осунулась. – Лес-то хоть помнишь? Он же тебе словно дом родной. Повадки

всей живности знал.

– Лес помню. – Я постарался изобразить напряжённую работу ума.

– Как зверя добывать, силки ставить, помнишь?

– Помню.

– Стало быть, и остальное вспомнится, – с облегчением сказала она. – Лес тебе просто ближе всего, вот и не даёт болезни память отобрать. А поправляться начнёшь, он и то, что забылось, возвратит. Только не пойму, почему Машку, сеструху свою, забыл? Ты ж за неё даже на волка кидался, да и она в тебе души не чаёт. Просидела тут седмицу⁶, пока ты в бреду метался. Домой не шла, сколь я ни гнала, почитай всё время в ногах у тебя спала. Ничего, помогу я тебе. Ты лишь, – она наклонилась ко мне, – отцу и братьям о памяти не болтай. И мамке пошто про это знать? Волнение одно. А с Машкой я поговорю, лишнего не сболтнёт. Она не смотри что два вершка, с понятием девка. Теперь, коли есть хочешь, отвару похлебай, начнём с малого.

Супчик из зайца на вкус был просто объедение. Судя по реакции тельца, оно такого давно не ело. Меня опять потянуло в сон. Да-а, к непростой тёте я попал. Сегодня мне повезло, а что дальше делать?

Второй раз я проснулся после полудня. Рядом сидела маленькая всклокоченная девчушка и пристально на меня

⁶ Седмица – неделя.

смотрела. Опа! Похоже, про неё говорили – два вершка. Новоиспечённая сестрёнка. Личико красивое. В потёмках, правда, особо не разглядишь, но не крестьянское какое-то, более вытянутое. Глазищи большие, почти чёрные, оттенок не уловить. Пучки тёмно-серых волос в разные стороны торчат. Она мне взъерошенного воробушка напоминает. Смешная.

Я улыбнулся:

– Машка.

Ох как взвился этот воробушек! И зачирикал с сумасшедшей скоростью, периодически подпрыгивая на месте:

– Я же говорила, говорила! Меня он обязательно узнает. Он не сможет меня не узнать! Уж кого-кого, а меня он всегда узнает. Я ни вот столечки не боялась, ну ни вот столечки!

– Уймись, балаболка. – Тётка стояла, уперев руки в бока, но на лице её играла улыбка.

Сестрёнка на секунду замерла, а потом резко пододвинулась ближе и положила ладошки мне на грудь.

– Мишка, как я исполохнула⁷, что ты умрёшь. Ты не думай, я не верила в это ни капельки. Я и Боженьку всё время молила и тянула тебя к себе по совету бабы Софы. Но боялась, не дозовусь, не услышит Боженька. У него дел тьма-тьмуша, да и ты сказал, совсем уходишь. Зачем ты так сказал, зачем? – Она легонько ударила своим кулачком по моей груди.

⁷ Исполохнула – испугалась (сибирский говор).

– Уймись! Слаб он ещё, – уже сердито рявкнула лекарка. – Будешь кулаками махать – уйдёт опять, не дозовёшься.

У сестрёнки на глаза навернулись слёзы. Она положила голову мне на грудь, обняла ручонками и стала тихонько всхлипывать. Тётка тяжело вздохнула и отошла к печке, а я серьёзно задумался над словами девчушки. Где же прежний владелец тельца и какова причина его исчезновения? Когда читал книжки о попаданцах, как-то это мимо сознания проходило: исчезли и исчезли, срослись с новым телом – и флаг им в руки. А сейчас, понимая, насколько эта малышка любит ушедшего, я завидовал. У меня, к сожалению, не было ни брата, ни сестры.

Куда он пропал? Связан ли его уход с болезнью? Почему говорил, уходит навсегда? Сам ли ушёл? Если сам, тогда что могло послужить такому решению? Надо в дальнейшем попробовать всё это выяснить.

А сестрёнка у меня ничего такая. Боевая.

Э-э, Саша, местный приём тебя, конечно, слегка огоршил, но ребёнка следует успокоить.

– Мащ, – я потрепал сестрёнку по вихрам, – поверь, теперь я никуда не уйду.

Она подняла голову. Глазищи блестят чёрными угольками.

– Правда?

– Правда. Если и пойду куда-нибудь надолго, то тебя с собой возьму.

Заплаканное личико осветилось улыбкой.

– Ой, Мишка, я так рада, так рада! Ты не представляешь, как я вся извелась...

Машка продолжала тараторить, а я с удивлением прислушивался к своим новым ощущениям. Кажется, я начинаю воспринимать, по сути, незнакомого мне человека именно как сестру. Странно, она ведь намного младше моих детей из той жизни, а я вроде бы уже люблю эту шептунную малявку.

Вот и ещё один плюстик попадалова. Такого у тебя, Саша, точно не было. Что ж, надеюсь, если всё же вернётся парень Мишка, мы с ним из-за этого воробушка не подерёмся.

К нам подошла лекарка:

– Вижу, благодать пришла, Мишка и Машка снова вместе. Ты, стрекоза, чем стрекотать, лучше покорми братку и мясца ему дать не забудь.

Сестрёнка сразу рванула к печке и загремела посудой. Тётка посмотрела на неё с усмешкой и перевела взгляд на меня.

– А я в лес пойду, травок собираю... для памяти. С тобой же пока другая знахарка побудет. Пospрошай её, может, вспомнишь чего. А ты, Машка, картошки отвари и хлеб к ужину испеки.

Как-то подозрительно она насчёт травок для памяти высказалась. Неужели ты, Саша, прокололся? Ай, да хрен с ним! После разбираться станем, сначала нужно пообедать. Я решил перебраться за стол, мне так удобнее. Никогда не

любил есть в постели и тем более не хочу, чтоб кормили с ложечки.

Сестрёнка поставила передо мной полную плошку всё того же супа из зайчатины, но уже с мясом, и положила сухарь, а затем уселась напротив, сложив руки, словно прилежная ученица. Мне показалось неправильным лопать одному.

– А почему себе не налила?

Она смутилась:

– Я дома поела.

Да уж, так я и поверил, особенно видя её голодный взгляд.

– Маш, я один не могу. Налей и себе, иначе мне еда в горло не полезет.

Сестрёнка удивлённо на меня посмотрела. Это я что, глупость сморозил? Начинает сказываться незнание местных правил поведения? Но бульона она себе налила... несколько ложек на доньшко. А потом, бросив взгляд в мою сторону, и кусочек мяса в тарелку плюхнула.

– Мишка, ты говоришь очень странно. Неужто ничего не помнишь?

– Ничего.

– Ничего-ничего?

– Помню, как охотился.

– Это хорошо. – Она с серьёзной мордочкой мотнула головой. – Ты в лесу так вкусно мясо жарил.

Ха, кто о чём, а голодный о съестном. Ладно, пора браться за познание мира, в который попал. Начнём с малого.

– Маша, а как мы дома ели?

– Хи-хи. Ты меня так никогда не называл. Так к суженым обращаются.

– Буду знать. И... как же мы едим дома?

О-о, как бровки-то нахмурились.

– Сперва надо Боженьке помолиться за еду, нам ниспосланную. Ты начать должен, ты старшой. Ой, – она приложила ладошку ко рту, – ты ж беспамятный!

– А ты начни, вдруг вспомню.

Проколоться я особо не боялся: в Бога всегда верил, хоть и не был шибко религиозным. В церковь периодически заходил и распространённые молитвы знал. Правда, если здесь живут староверы, могут быть проблемы. Но к счастью, мои опасения не оправдались, всё прошло без эксцессов: молитва знакомая, крестятся тремя перстами.

Приступая к обеду, сломал сухарь и половину отдал сестре. Под моим строгим взглядом отказаться она не решилась. Оказалось, за едой в нынешние времена разговаривать не принято, и я усмехнулся про себя, вспомнив девиз советских столовых: «Когда я ем, я глух и нем!» В конце Машка, подняв площадку, допила через край остатки бульона. Последовал её примеру. Ну, теперь можно и поговорить.

Сестрёнка сумела удивить: после предыдущей скоростной болтовни никак не ожидал услышать от неё серьёзный и обстоятельный рассказ о жизни. Окружающая действительность была описана ею с лекторской неторопливостью. При-

мерно за два часа беседы многое узнал о местных реалиях, но самое главное – куда же всё-таки занесло моё сознание. Малявка не только текущие месяц и год назвала, а даже сегодняшнее число, чем меня просто поразила. Кто бы мог подумать, что девчушка десяти лет от роду, из глухой сибирской деревни царской России, знает точную календарную дату. Например, в две тысячи двадцатом году, из которого я провалился, её не всякая десятилетняя назовёт, а уж про этот одна тысяча восемьсот шестьдесят седьмой вообще молчу. Тут крестьяне, бывает, и о столетии понятия не имеют.

Да-а... попал ты, Саша. Конкретно попал. Хотя не стоит Бога гневить, могло быть и хуже. Сложись линии судеб иначе – и отмахивался бы ты сейчас дубиной в «гламурном» облике неандертальца от какого-нибудь саблезубого кошака или вприпрыжку от орков по долинам и по взгорьям улепётывал. Ну... если с такого ракурса на проблему взглянуть, то она уже и не слишком страшной смотрится. Но всё равно это первое августа запомнится надолго.

Вот что судьба, или кто там поспособствовал моему попаданию, хочет сказать? Давай, Сашок, выпрямляй загибы истории, гони Россию пинками в светлое будущее? Ха-ха два раза! Щас порву жопу на три части и рвану в Питер императора уму-разуму учить. Не, ну засунули бы меня сразу в Александра II или Александра III, я бы сбацал путёвый квест. А так... Что прикажете делать крестьянскому пацану из таёжной деревушки на двенадцатом году его жизни?

Или вы намекаете на пятидесятишестилетнего вселенца? Так он не семи пядей во лбу, тщательнее следовало кандидата выбирать. А я? А что я? Да, инженер, но высоких должностей никогда не занимал и уже лет девятнадцать на крупных заводах не работал. Да, в армии снайпером в спецчасти служил, но простым сержантом. Да, люблю оружие и отлично стреляю из любого. Постоянно палил в своё удовольствие из всего, что имелось, а у меня много чего имелось. Но у простого стрелка, пусть даже самого лучшего, мало шансов изменить будущее. Окончив институт, я работал в оборонке, на производстве артиллерийских орудий; эти знания, конечно, пригодятся, но кардинально на ход развития государства вряд ли повлияют.

А в последнее время я в основном огранкой драгоценных камней занимался, пять лет назад организовал заводик по выпуску ювелирных украшений. Постепенно и сам кое в чём поднаторел, некоторые говорили, талант к ювелирному делу пробуждается. Льстили, наверно. И как с таким жизненным багажом, чёрт возьми, историю менять? Мне хотя бы до той же долбаной революции дожить, уже рад буду.

Разумеется, я в состоянии организовать кучу всяких разных интересных производств, но для этого нужны деньги, гроши, тугрики. Где их взять? Стать алмазным королём? За столбить кимберлитовые трубочки в Якутии? А я не помню, где они находятся, хоть и летал туда несколько раз. И в Архангельской области побывал, и по уральской земле вдо-

воль побродил. Не-е, на карте-то я ткну пальцем в примерный район расположения рудников и приисков, только вот на вопрос об их точных координатах память услужливо посылает меня на три буквы. Даже инженером мне никуда не пойти, и дело тут не в возрасте: переучиваться надо, в девятнадцатом веке технологии другие.

Пока, развалившись на шкурах, я предавался горестным раздумьям, а после немного подремал, Машка успела испечь хлеб и картошку отварить. Потом и ведьма пришла. Правда, зря я её так называю. Сестрёнка сказала, она очень хороший человек и знахарка прекрасная, меня больше недели словно родного выхаживала. При этом единственная хозяйка землянки и всей поляны, а зовут её баба Софа.

Начались сборы на стол – как говорится, что Бог послал. Из пояснений Машки я понял, что с едой у нас дома дела обстоят хреново. Мой новый папаня устроил для семьи раздельное питание: он со старшими сыновьями ест из одного горшка, а мать и мы с сестрой – из другого. Догадайтесь, в чьём горшке есть мясо, а в чьём – нет. И ладно б одно мясо, так мы обычно капусту с водичкой лопаем, закусывая куском хлеба. При этом маманя сложившийся порядок во всём поддерживает: как же, мужики работают, устают, а мы фигнёй страдаем. Братья, кстати, порядком старше: Гнату восемнадцать лет, Фёдору недавно пятнадцать исполнилось.

Отец, ко всему прочему, бывает, напившись, бьёт меня. Хотя чего это тельце бить, дал щелбан и пинка – всё, мож-

но хоронить. Братьям и матери тоже достаётся, но меньше. Машку, слава богу, не трогает. Надеюсь, и дальше так будет, иначе я... нэ увэрэн, что правильно отреагирую. Не, я понимаю, домострой и прочая хрень, но не припомню, чтоб детей в крестьянских семьях голодом морили. Естественно, когда голод у всех в округе – взять, например, девяностые годы этого столетия или тридцатые следующего, – происходили и страшные вещи, даже ели детей. Но здесь, насколько я смог оценить, живут довольно сытно; во всяком случае, никто не голодает. А наша семья зажиточной считается. Зачем тогда, спрашивается, нас гнобить?

Знахарка присела ко мне на топчан и положила руку на лоб.

– Горячки нет, на поправку идёшь. Выпей настой, опосля снедать станем.

Ужин прошёл, на мой взгляд, в тёплой дружеской обстановке. Чуть погодя постарался навести мосты насчёт остаться в землянке ещё на недельку-другую: ну не хотелось идти в тот дом, о котором рассказала сестрёнка. Оказалось, не всё так просто.

Баба Софа, малость повиляв, созналась:

– Мне ваш отец дал всего седмицу. Если потом не сможешь работать, не заплатит. Осень, ваша помощь в поле нужна.

Вот что значит узок круг этих богатеев, страшно далеки

они от... огорода⁸. Сельская жизнь, однако, про сбор урожая я и забыл. Что же делать?

И тут голос подала молчавшая до сих пор Машка:

– А много он обещал заплатить?

– Мешок муки, – вздохнула знахарка.

– Мишка, а давай шкурками отдадим.

– Какими шкурками?

Сестрѐнка смутилась:

– Ты просил о них не говорить. Но нынче, поди, можно?

– Говори, – разрешил я.

– У тебя в лесу спрятаны добытые прошлой зимой шкурки. Не один мешок муки будет.

Тѐтка помотала головой:

– Я не хочу ссориться с вашим отцом.

– Ну зачем же ссориться? – Я воспрял духом от сестричкиного известия. – Машка завтра прибежит домой с печальной вестью: мне снова плохо. И мы проживѐм у вас лишних две-три... э-э-э, седмицы, – мне вовремя вспомнилось, как тут неделю называют.

– Дурень! Да коли здоров, нельзя говорить, что болен. Надолго слечь можешь и вряд ли уже встанешь.

«Не-е-е, так дело не пойдѐт. Нам на ваши суеверия начхать», – подумал я, но вслух сказал другое:

– Нет. Болеть больше не буду, кто бы и что ни говорил.

⁸ Фраза В. И. Ленина из статьи «Памяти Герцена»: «Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа».

А дома и в поле в таком состоянии, как сейчас, я уж точно долго не протяну.

Софа сначала продолжила буравить меня хмурым взглядом, но постепенно её лицо разгладилось.

– Видимо, ты прав, и неча мне у судьбы лишнее выторговывать. Зима без Снегурки тяжёлая выйдет.

Решил поинтересоваться:

– Снегурка – это кто?

– Её тоже не помнишь? А ведь вы дружили. Собака то моя, три седмицы как околела. Тебя-то лишь в память о ней выхаживать взялась, не жилец ты был.

О как! Любопытные новости. А знахарка-то, похоже, хронит себя раньше времени. Зимой в лесу без собаки, понятно, тяжело. Но не смертельно же? Да и в деревню, случись что, уйти можно – не прогонят же знахарку.

– Почему бы другую собаку не завести?

– Задерут. Я до Снегурки двух собак держала, всех задрали, а она или сумела договориться с лесными, или просто отвадила зверьё. Как здесь появилась, так до сих пор на огород никто и не покушается. Зайцев каждую неделю приносила, уж кто кого кормил, и не сказать.

– С питанием я помогу.

– Ты себя бы прокормил, Аника-воин.

– Не буду бахвалиться, – пришлось покорно согласиться, – через пару седмиц посмотрим. Вы, если с моими встретитесь, рассказывайте о моём слабом здоровье.

– Скажу, скажу. С курицей-то что делать?

– С какой курицей?

– Так Машка сѣдня, увидав, что ты на поправку пошёл, попросила у отца курицу. Суп из неё – первое дело для выздоравливающего.

– А вы говорите, что курица жива и бегает. Ждѣт, когда выздоравливать начну.

– Ты очень изменился. Раньше не врал, а теперь у тебя это так легко выходит.

– Просто я понял одну важную вещь.

– Если врѣшь, легче жить?

– Нет. Если хочешь выжить, приходится иногда врать. А я хочу не только выжить, но и жить. И хорошо жить. А ещё хочу, – я перевёл взгляд на сестрѣнку, – чтобы хорошо жила она. – Потом снова посмотрел на знахарку и продолжил: – И вам тоже хорошей жизни желаю.

– Щедрый ты, – улыбнулась баба Софа.

– Не стоит говорить, что легко быть щедрым, ничего не имея. – Я постарался вернуть улыбку. – Не волнуйтесь, я заплачу за заботу.

– Ну-ну, поживѣм – увидим.

– И заплачу поболее отца.

Если судить по её задумчивому взгляду, договориться мне удалось.

Глава 2

Утром проснулся в одиночестве. На поляне тишина. Лёгкая пробежка до кустов. О-о, кайф... А это проблема, Саша; постоянно пользоваться ночным горшком, стоящим в углу землянки, не комильфо, знаешь ли. А зимой как быть? В пургу по-быстрому на улицу не выскочишь. Правильно, туалет нужен, а лучше крепкий сарай с туалетом. Мишкин организм предстоит долго и упорно тренировать, мышцы на скелетик наращивать. В заснеженном лесу или в землянке нормально не позанимаешься, а в сарае можно. Оборудуем небольшой спортзальчик – и вперёд. И замороженные тушки добытых зверей там хранить удобно, и шкурки, с них снятые. Между прочим, если душ поставить, то и мыться без хлопот сможем.

А почему я вчера вечером так резко вырубился? Вроде прилёт всего на чуть-чуть, поболтать ещё хотел, до этого спал почти целый день. Неужели болезнь продолжает сказываться? Помню, знахарка предложила отдохнуть и рукой махнула. Стоп! Опять она в мою сторону рукой махала, и вновь я моментально отключился. У-у-у, один раз – случайность, а два – это... Вот рано ты, Саша, перестал её ведьмой называть, ой рано.

Осмысливая своё пребывание в новом мире, я всё отчетливее понимал: баба Софа догадывается о смене сознания в

Мишкином теле. Перед нашей с ней первой встречей я орал чёрт-те что про инопланетян, и она многое слышала. Понять, может, и не поняла, но на заметку уж точно взяла. Потом, говорю я не так, как они, а следовательно, и не так, как говорил Мишка. Подозреваю, построение фраз и, вероятно, акцент у меня другие, даже Машка, слушая мою речь, частенько недоумевают.

Поведение от Мишкиного, скорее всего, тоже отличается, а, если долго жить с человеком бок о бок, изменения в поведении трудно не заметить. Знахарка весь прошедший день присматривалась ко мне, пытаясь выяснить, кто ж он такой, новый вселенец, и чего от него ждать. И похоже, пока не сочли меня опасным для окружающих. Вряд ли мнение полностью составлено, мою персону ещё проверять и перепроверять станут, но кредит доверия, кажется, выписали. Надо оправдывать.

Так, шесть кружков трусцой вокруг землянки сделали. Сегодня же штаны попрошу, а то ветерком по яйцам как-то неуютно. Водные процедуры тоже провели. С ними главное – не переборщить, тельце следует постепенно в норму приводить. Эх-х, жаль, зубную пасту не скоро доведётся увидеть. Ну, стало быть, нужно мяту на всю зиму запасать: если её с мелом смешать, зубной порошок получится.

Теперь посидим на солнышке, вытянем ножки и позагораем – лечебная процедура опять-таки. Ступни радуют, огрубели до состояния подошвы ботинка, и я на мелкие камни и

сучки не обращаю внимания. Но пора и насчёт обуви побеспокоиться. Осень на носу, а за ней и зима придёт, босиком уже не походишь.

Да-а, взяла тебя, Саша, местная действительность в оборот. Вчера о прошлом и не вспоминал, а там ведь и дети остались, и друзья. Да всё там осталось! А ты вот сейчас сидишь, греешься на солнышке спокойненько, и чувства утраты в душе нет. Почему так получилось? Может, это потому, что ушёл я, а не они от меня? Подсознательно-то понимаю: у них полный порядок, оттого и спокоен. Разумеется, мне без общения с ними поначалу тяжело будет, и не раз ещё я с тоской утраченное вспомню, но позже... Позже. Здесь тоже компания достойная подобралась, а за компанию, как известно, и жид удавился. Опять же, себе-то можно признать, что в последние годы я жил несколько скучновато, тут всё же поинтереснее. А уж сложится или не сложится новая жизнь, от меня зависит.

На завтрак мне оставили плошку гречки и кружку молока. О, значит, кувшинчик, принесённый Софой вчера вечером, с молочком был. Получается, она после обеда в деревню ходила. Заботится, однако. Приятно, блин. Причём уже тогда подозревала, что я не я, а хрен с бугра.

Ладно, пришло время округу посмотреть, себя показать. Прогоуляемся по опушке леса, грибов наберём и ветку для лука подыщем. Да и про удилище забывать не стоит. Только тетиву и леску из чего делать? Ай, да бог с ним, станем ре-

шать проблемы по мере поступления. И кстати, брёвнышки для сарая начнём высматривать.

Грибов оказалось очень много, хоть косой коси. Местные не собирают их, что ли? Набрал два лукошка отборного крупняка, и на жарку, и на сушку хватит. Комаров с мошкаррой, правда, в избытке, на поляне не так донимали.

Разжёл печку. Почистил картошку с грибами, сложил в два горшка и залил водой. Соль скоро кончится, и специй почти нет, но я добавил знакомых травок, найденных в лесу. Дождался полного сгорания дров и поставил горшки на угли томиться. Ага, и печь не помешает перебрать, а то убожество какое-то, честное слово. Интересно, почему спички в свой первый осмотр не нашёл? На самом видном месте лежали, в тряпочку замотанные. Заметил бы раньше – не ломал бы голову о том, куда попал.

Знахарка подошла, когда я достругивал заготовку для лука, и от её ворчания меня посетило дежавю. А ведь точно, вчера то же самое происходило.

– Ты зачем из дому вышел? Тебе лежать надобно. Сколько раз говорить можно?

Ну да, если тянет поработать, ляг поспи, и всё пройдет. Сейчас ещё палкой махать начнёт. Не-е, сегодня следует слегка изменить наши взаимоотношения.

– Зачем ругаться, баба Софа? Солнышко полезнее прохладной землянки. И вы присели бы, вон тут благодать ка-

кая.

Действительно, солнце разгулялось не на шутку. Становилось жарковато.

– Кха, лучше он ведает, что ему надо. В землянке печь затопи, тепло и будет, – проворчала знахарка, но рядом села.

– Ведаю я, конечно, не лучше вашего, но то, что солнце дарит жизнь, мне известно.

Она внимательно посмотрела и спросила вроде бы нейтральным голосом:

– Что ещё знаешь?

– Знаю, что жизнь прекрасна и удивительна. – Про себя автоматически продолжил: «Если выпил предварительно».

– В небытии плохо?

У-у-у, похоже, назрел разбор полётов. Это за кого она меня принимает? За демона какого-нибудь? Не-е, так дело не пойдёт.

– Как в небытии, не знаю, никогда там не был.

– А где был?

– Да жил себе не тужил, а потом взял и заболел.

О, как сверлит взглядом. Вы ж, мадам, на мне дыру протрёте.

– И где жил?

– Здесь недалече. – И не врал же, в Сибири я много где побывал.

Судя по глазам знахарки, она была готова взорваться. Ха, детектор лжи от правды загнуло!

– Баба Софа, Вы хотели о чём-то со мной поговорить? Так не ходите вокруг да около. – Надеюсь, я правильно оценил этого человека, иначе... последствия лучше даже не представлять.

– Хотела. – Она покачала головой. – Кто ты?

– На Мишку не похож?

– Норов тот же, задиристый, но ты другой. – Она отрешённо растягивала слова. – Он меня побаивался, а ты смотришь как на ровню. Мишка не знал, что делать, юлой крутился, а избавиться от доли своей тяжкой не мог. Ты же, сразу видно, всё решаешь с дальней задумкой; небось, на долгие годы вперёд жизнь наметил.

М-да, я подозревал о просчётах в своём поведении и в разговорной речи, а она, получается, даже мой психологический портрет составить успела. Круто!

– Ну-у, куда там! Жизнь такая штука, всегда сумеет преподнести сюрприз, особенно если считаешь, что уже всё о ней знаешь. Вот и тут оказаться я никак не ожидал. Радовался жизни и вдруг, – я усмехнулся, – чужих блох кормить стал.

– Где жил?

– Да жил-то много где, но лучше спросить когда.

Софа на минутку задумалась, видать о своём, о девичьем, но затем ожила и спросила:

– Когда ж ты жил?

Я с улыбкой взглянул на неё. А-а, была не была!

– Родиться я должен почти через столетие, а до попадания сюда прожил пятьдесят шесть лет.

А прокурорский взор не меняется.

– Как к нам попал?

– Не знаю. Уснул там – проснулся здесь.

– Ритуалы какие справлял?

– Да никаких ритуалов...

Тут я замер: а ведь не знаю, проводились какие-нибудь ритуалы, пока моё сознание в отключке пребывало, или нет. Может, пьяные реконструкторы вокруг меня весёлую джагу-джагу сплясали и псалмы во славу Бахуса⁹ пропели? За лучшую жизнь, так сказать. А Вадик при этом в ритме вальса постреливал в воздух ну о-очень холостыми зарядами.

– Впрочем, я был пьян и не видел происходившего перед переносом.

– Переносом?

– В будущем перемещение сознания из одного человека в другого станут называть переносом.

– У вас это часто делается¹⁰?

– Нет, не часто. Наоборот, многие считали перенос невозможным, я тоже. Разумеется, ходили слухи, будто такое случалось, но доказательств-то нет. Писатели в романах, конечно, не раз его описывали, но каждый по-своему.

– А с Мишкой что?

⁹ Бахус – в римской мифологии бог растительности, вина и виноделия.

¹⁰ Делается – происходит.

– Не знаю, я с ним не общался.

– Что с ним могло случиться? Какие о том у потомков суждения сложились?

– Ну... коль я его не ощущаю, то он или хорошо спрятался – в этом случае есть вероятность его возвращения, – или ушёл навсегда, например в моё тело.

Она отвернулась и склонила голову.

– Ох, Мишка, Мишка! Боялась я за него. Слишком он всполошенный¹¹ был. – Немного помолчав, знахарка продолжила: – Слышала я об этом переносе, Галина рассказывала.

– Софа, э-э... ничего, если по имени буду обращаться?

– Наедине обращайся, а на людях зови Софья Марковна.

– Понял. Скажи, а можно ли связаться с ушедшим? Хочется узнать, что же с Мишкой произошло.

– Связаться можно, только нынче нельзя его тревожить. Время ему дать надо, пусть горячка уляжется.

– Что ж, так и поступим.

– Значит, тебе пятьдесят шесть лет. То-то ты нас с Машкой в оборот взял.

Да уж, кто кого взял в оборот, ещё вопрос. Я вон молчать думал в тряпочку о попадалове, а меня растрясли как грушу.

Приглядевшись на дневном свете, я уже сообразил: Софьин возраст вчера определён неверно, старостью тут и не пахнет. По виду ей от тридцати пяти до сорока лет или чуть-чуть больше. Хотя это для той жизни, в данном времени всё

¹¹ Всполошенный – беспокойный, тревожный.

иначе, и к тому же проживание в лесу должно было свой отпечаток наложить. Да и тёмные круги под глазами, скорее всего, из-за моего лечения появились. А лицо красивое, точёное, нос прямой. Глаза ярко-зелёные. Из-под платка тугая коса по спине струится. Волосы каштановые, с заметной рыжиной. И грудь... хм... есть.

Эх, подозреваю, лет десять назад сочным персиком была, мужчины, наверно, проходу не давали. Впрочем, она и сейчас ягодка спелая. Что ж до сих пор не замужем-то? Сегодня надела белую вышитую рубаху и сарафан новый, тёмно-синий. Интересно, для меня так принарядилась? Попытался представить её в одежде двадцать первого века. М-м, ещё чуток макияжа, и... я с такой не отказался бы по чашечке кофе распить... за завтраком.

– Как жить намереваешься?

– Жить? – Я с трудом выплыл из фантазий. – Сначала нужно обеспечить нас припасом на зиму, а там увидим.

– Ты, смотрю, надолго решил у меня обосноваться. Чё ж хозяйку не спросил? – Знахарка взглянула с хитринкой.

– Да вот, вижу, хозяйка помирать зимой собралась. Дай, думаю, порадую. В тесноте, да не в обиде, – не остался я в долгу.

– Хе-хе, помирать. Спасибо за радение. Жить я после смерти Снегурки и вправду не очень-то и желала. – В её глазах мелькнула грустинка. – Но коли в моём доме прижилась парочка шепутных мальцов, о худом и помышлять нечего.

– Прости, невежливо о возрасте у женщины спрашивать, но всё же: сколько тебе лет?

– Чего уж. Тридцать пятая весна в этом году пришла. А ты, поди, рассудил, я совсем старая?

– Ну-у... – мне жутко не хотелось признаваться, что вчера посещали такие мысли, – жизнь в лесу быстро старит. Постарался увести разговор в сторону: – Не расскажешь, как сюда попала?

Мою особу приласкали мрачным взглядом. Слегка так. Почти как своего.

– Когда-то меня, молодую крепостную девку, отдали в обучение на гувернантку. Чуть постарше Мишки я в ту пору была. Пять лет отучили и послали в услужение к княгине Полтоцкой. Хорошее было время. – Софа с грустью посмотрела вдаль. – Я вольную получила за заслуги свои, но осталась при дочке старой княгини Наталье Полтоцкой и полюбила её всей душой.

На её лице появилась мечтательная улыбка.

– Мы с ней подружились. Да-а... А через два года скандал в семействе вышел: нагуляла молодая княжна ребёночка на стороне. Да при родах надорвалось в ней что-то, долго с постели встать не могла. Её мать, Ольга Михайловна, желали ребёночка в чужие руки отдать, но Натальюшка не позволила: сильно его любила. Всего лишь год и прожили в отцовском доме, пока она поправлялась, а потом уехали мы в сибирскую охотничью усадьбу Полтоцких, что недале-

ко от Красноярска. Ничего другого старая княгиня не пожелала дочери предоставить: видно, полагала, что та одумается. Но нет, решение было принято. Тогда мать прокляла на пороге родную кровь и сказала, что возврата ни Наталье, ни сыну её в отчий дом уже не будет.

Дорога трудная у нас вышла. По приезде в усадьбу разболелась княжна и опять слегла. Доктора только руками разводили, знахарки приходили, да помочь ни одна не смогла. Но они подсказали лекарку, способную творить чудеса, и решили мы к ней поехать. – Софа печально вздохнула. – Предлагала я Натальюшке лета дожждаться, но она не утерпела, а в дороге сынишка простыл и сгорел за двое суток. Чуток до Галины-лекарки не доехали. Наталья от несчастья такого в забытьё впала, и как ни лечили её, ничего не помогало. Целый год бедная княжна медленно угасала в доме у Галины. Так и ушла тихонечко, во сне. Светлая ей память.

Знахарка перекрестилась, вытерла скатившуюся слезу и замолчала.

Я тоже перекрестился и после минутного молчания спросил:

– Ты осталась у лекарки?

– Поперву в усадьбу пошла, о несчастьях поведать хотела, но управляющий меня и на порог не пустил. Ехать к старой княгине было и думать неча. Новую работу в барских домах искать не хотелось, тогда и вернулась я к Галине: звала она меня. Мы с ней за год Натальиной болезни сдружились, я

ей помогала по мере сил, уж больно старенькая она была. А вернулась из Красноярска, меня в обучение взяли. Так семь лет вместе и прожили.

– Красноярск довольно далеко. Как добиралась-то?

– Где пешком шла, где подвозили. Мир не без добрых людей.

– И это, получается, Галинин дом?

– Нет, сюда она меня уже потом привела и оставила жить.

– Зачем?

– Сказала, это лучшее, что для меня нашлось. Моя судьба здесь. Вот второй год и живу.

– А сама лекарка сейчас где?

– Проживала недалеко от деревни Абанской, но через две седмицы после моего переезда знакомый рассказал мне о пожаре – сгорел Галин дом. Переживала я сначала тяжело, всё рассуждала: «Будь я рядом, не случилось бы несчастья». Но позже поняла: знала Галина, когда уйдёт.

Да-а уж, Саша, не удивлюсь, если эта Галина и твоё попадалово предвидела. Не она ли тебя сюда затянула? Ну да теперь это уже вряд ли узнаешь.

Задумавшись, автоматически задал следующий вопрос:

– Прости, а замуж почему не вышла?

Знахарка смутилась и минуты три молчала.

– За всю жизнь лишь одного достойного встретила... А он в жёны не взял.

Э-э, Саша, балабол, сворачивай, к чертям, этот разговор!

– Что ж, хозяйка, полагаю, вы не будете возражать, если я затею небольшое строительство, а то погребок у вас маловат.

– Куда тебе строить, ты ещё ходишь-то с трудом! – заволновалась Софа.

– Само собой, не сразу. Оклемаюсь сначала.

– Ладно. Я, как переехала, ничего не меняла, да, видно, время пришло. Пойду поснедать¹² сготовлю.

– Я картошку с грибами уже потушил.

Знахарка удивлённо на меня посмотрела:

– В грибах-то местных разбираешься?

– Конечно разбираюсь. В своё время довелось по Сибири вдоволь побродить, так что грибов и собрано, и съедено много.

– Добро.

Да-а, серьёзный разговорчик прошёл. С одной стороны, просчёт последствий, мною проведённый, особых неприятностей не сулил, как-никак положительное мнение о Софе у меня уже сложилось. Но тем не менее было страшновато, ведь пойдя она на конфликт, жизнь моя стала бы в разы тяжелее. Пришлось бы бежать куда глаза глядят, напрямиком в неизвестность.

Что интересно, знахарка не соответствует тому образу деревенской колдуньи, который сформировался у меня по фильмам и книгам из той жизни. Она следит за собой, всегда опрятна, в землянке у неё чисто, у каждой вещи своё место.

¹² Поснедать – поесть.

Её разговорная речь отличается от Машкиной – более культурная, присущая городским жителям. Ну, теперь-то, после её рассказа, стало ясно: это сказывается воспитание, полученное в юности.

Вот только характер у Софы хоть и не слабый, но... чувствуется какой-то душевный надлом. Сейчас, узнав о её жизни, я понял: устал человек бороться с ударами судьбы, плывёт по течению. И этой осенью выбор у неё небогатый: или тяжёлая зима одной, а это вряд ли возможно, пришлось бы проситься к кому-нибудь в деревне на постой, или я – неизвестный фактор, но мужчина, который знает, что делать. В деревню идти с поклоном, видать, не хочется, вот она и рада перевалить заботы на мои плечи.

А ещё у меня создалось впечатление, что появление попаданца она воспринимает слишком спокойно. Надо бы постараться разузнать, что ей там Галина-лекарка о переселении сознаний наговорила.

Покушали мы знатно – сытно и вкусно. Оба горшка умяли. Софа меня постоянно нахваливала. Сказала, правда, не принято у них мужчинам готовить, это урон авторитету хозяйки. Я предупредил: отныне всегда так кушать станем, и пусть не обижается, но иногда и я что-нибудь приготовлю. Жаль, Машки нет, припахали на домашние работы. Раз я больной валяюсь, то её взялись гонять за двоих, но вечером эта егоза, скорее всего, прибежит к нам. Надо и её обильным

ужином побаловать: дома, уверен, с кормёжкой всё так же плохо.

Озаботился, не опасно ли вечером малявке по лесу шариться, восемь вёрст до деревни не шутка. Оказалось, скачет этот воробей по лесной глухомани довольно часто, впрочем, как и Мишка, и не было пока у них неприятностей. Они, бывало, и ночевали в лесу, причём и вместе, и порознь.

Поговорили ещё за жизнь. Знахарка, наконец-то переварив информацию о том, откуда я свалился, полюбопытствовала, как там дальше в мире дела сложатся. Рассказал. О революции на всякий случай умолчал: человек недавно пообедал, мало ли какие процессы в организме активизируются. Всё же женщина, а тут такие страсти. Поболтали о войнах – с кем, когда – и о крестьянах. Я о своём житье-бытье поведал, и она даже поохала над некоторыми моими жизненными перипетиями.

Спросил о наболевшем: где штаны взять? Порадовали – сестрёнка принести должна. А с обувью, к сожалению, вышел облом, придётся самому шить. Ну, это не проблема, это я могу. Только для подошвы кожа нужна потолще, в лесу такую трудно добыть. Кабаняку какого-нибудь завалить у меня здоровья не хватит, опять-таки и нет их в Сибири. Значит, лучше толстую кожу в деревне на Мишкины шкурки выменять.

Ещё Софа предупредила, что при походе в лес желательно мазаться специальной настойкой от насекомых. Вот, блин,

то-то меня кровососы заедать взялись после умывания! В ближайшей округе много заболоченных мест, и гнуса с комарами в избытке. Спаситься можно или дёгтем обмазавшись, или этой настойкой. Кстати, настойка, в отличие от дёгтя, почти не пахнет, потому покупают её у Софы часто. Покойная Галина рецепт приготовления исключительно ей доверила, в местных условиях это хороший заработок.

Эх-х, языком молоть – не мешки ворочать, однако пора и по лесу прогуляться. Нужно прикинуть, где силки ставить. Пойду-ка по спирали вокруг пруда и поля.

Прошёлся. Снова две корзинки грибов набрал. Присмотрел стволы на стены сарая. Потом искупаться рискнул, но так, лишь нырнул-вынырнул: холодновато всё же. Растёрся холстиной докрасна. Софа, наблюдая издалека за моими водными процедурами, неодобрительно покачала головой, но говорить ничего не стала.

Хотел привести в порядок свою постель, и тут меня ждал сюрприз. Я уже собрался для начала отнести шкуры на муравейник (пусть муравьи блох сожрут, после стирать буду), но опоздал. Гляжу, знахарка за погребом шкурками трясёт и при этом что-то приговаривает. Решил ей не мешать. Минут через пятнадцать принесла всё обратно. Выяснилось, она так блох выводила и, что поразительно, вывела. В землянке кровати и пол каким-то отваром облила, затем и меня окропила и натёрла, да ещё заставила втирать отвар во все интимные места, так сказать до полного удовлетворения. Еле вытерпел:

щиплет, зараза. Одно радует: блохам, наверно, хуже.

Полюбопытствовал, как шкуры отмывать, уж больно засаленная была та, на которой я лежал. Ага, песочком и золой, как же иначе. Перенёс эту лабуду на утро: солнца не ахти сколько осталось, не успеет мех просохнуть – холодно нам с сестрёнкой ночью спать будет.

Ужин вышел поздним: Машку дожидались. Она пыталась отказаться: мол, дома поела. Но я-то уже знаю их домашнее питание. Пришлось давить авторитетом, в результате накормил до отвала. Съели мы почти всё: и остатки курицы, и яйца, и картошку с грибами. Глазки у сестрёнки сразу осоловели, и я отправил это чудо спать. Малая сняла своё платице-балахон, аккуратноенько сложила его на лавку и устроилась калачиком в дальнем углу нашей постели.

Боже, кожа да кости! Прямо суповой набор, а не ребёнок. Ужаснувшись, я наказал Софе обильный завтрак приготовить, птенчика определённо надо откармливать. Она посоветовала малую рядом положить, ведь в ногах сестрёнка лежала, чтоб не заразиться. Так и сделал: завалившись в кровать, перетащил сестрёнку к себе под бок. Вытянулся сам и понял, как вымотался за день.

Утро ничем не отличалось от вчерашнего. Правда, вокруг землянки я в два раза больше кругов пробежал. Интересно, сказалось вчерашнее питание или надетые спросонок штаны? Сразу взялся отстирывать шкуру. Закончил быстро, но,

вспотев, начал чесаться. От смеси пота с противоблошиной настойкой тело зудело невероятно. Вследствие этого водные процедуры в виде купания прошли на ура. Точнее, ура-а-а-а: водичка с утра намного прохладнее дневной.

Позавтракал. Взял силки, изготовленные вчера из разнобразного хлама, выданного знахаркой, и пошёл ставить на присмотренные места. Софа молодец, специальной настойкой их обмыла, человеческий запах уничтожила. А вечером Машка принесёт тетиву, и можно начинать тренировки с луком. Вновь грибов набрал и настругал пару горшков. Слил туда скисшее молоко, сегодня отведаем нечто похожее на жульен. Осталось рыбки в пруду наловить, знатные должны быть караси. Питаться одними грибами нельзя, слишком тяжелы они для детских желудков.

Удилище сделал приличное, но вместо лески пришлось прицепить толстенную бечёвку и крючок самодельный. Все караси, увидев это безобразие, наверно, со смеху помрут. Впрочем, мне это и требуется: они, отсмеявшись, всплывут кверху пузом, а я уж их тут встречу с распростёртыми объятиями.

Хм... не всплыли. За час, куда бы и как ни забрасывал крючок с наживкой, поплавок ни разу не шелохнулся. По силкам пробежался – тоже никого. «Крокодил не ловится, не растёт кокос»¹³. Что-то день не задался. Следующего червячка насадил и в пруд его. Удилище на сошку поставил, а

¹³ Слова из песни «Остров невезения» из кинофильма «Бриллиантовая рука».

сам стал разминаться. Силового пока немного, в основном упражнения на ловкость и координацию. А вот когда растяжками занялся, удилище в воду упало, и я вынужден был штаны мочить, его доставая. А ведь клюнуло! И здорово так клюнуло, с трудом выволок. Карасище килограмма на полтора попался, не меньше. Эх, пожрём!

Решил запечь рыбу в глине, я её видел в одной промоине за полем. Заодно осмотрел силки – пусто. Глина оказалась неплохой, стоит из неё кирпичей для коптильни наделать.

Развёл костерок. Пока он прогорал, натаскал горку глины. Сделал четыре плинфы, это кирпич такой плоский, обычный-то на костре не прокалить. Карасика выпотрошил, натёр всякими травками и внутрь их натолкал. Обернул листьями крапивы и смородины, затем облепил глиной и закопал в угли. С боков кирпичи положил: зачем жару зря пропадать.

К приходу знахарки я накрыл прекрасный стол (для местных условий, разумеется): вкусная рыба и картошка с грибной подливой. Софа сначала даже с лёгкой опаской смотрела на приготовленное, а уж как ела, распробовав, не передать словами.

– Мишка, прости, не удосужилась спросить твоё настоящее имя.

– Да Мишка я теперь, так и зови.

– Ладно. Скажи, ты там низкого звания был?

– Не сказал бы. Если сравнивать с этим временем, вероятно, купец-миллионщик или промышленник.

– Откуда тогда так готовить намастырился?

– Постепенно то тут, то там нахватался всякого. Не раз приходилось подолгу вдали от цивилизации бродить. Да и не зазорно у нас самому готовить, а у некоторых это как бы хобби, ну... увлечение. Друзья и знакомые на охоте частенько любили шикануть новыми рецептами приготовления мяса и рыбы. Опять же, я последние три года в холостяках ходил. Квартиру с обслугой жене оставил, себе дом за городом построил. Жил преимущественно один, часто в разъездах. Мне что, трудно себе вкусненькое сварганить?

Она покачала головой:

– Хорошо вы там живёте.

– Ну, в общем-то получше, чем здесь, но тоже всякого хватает. Бывает, и голодают люди, и мёрзнут, и гибнет народа в будущем немало. Не поменялись, наверно, лишь чиновники, – я усмехнулся, – и там и тут гребут под себя всё, что не приколочено.

– Скажи, когда вырастешь, ты кем хочешь быть?

– Загадывать заранее не хочу, жизнь многое может закрыть так, что и не поймёшь, как к этому пришёл. Возможно, стану купцом или заводчиком.

– А для Машки чего измыслил?

– Свою судьбу ей решать, а я помогу, чем смогу.

– А буде у неё желание царевной стать, потакать начнёшь?

Я улыбнулся. Перед глазами пронеслась картинка: Машка в пышном платье во всю прыть скачет по дворцу, а затем

начинает своей скороговоркой строчить разнос министрам. Не выдержав, я заржал в голос.

Отсмеявшись, ответил продолжавшей смотреть на меня без улыбки знахарке:

– И царевной стать помогу. Правда, если примется слубить да на каторгу слать, моей помощи не дождётся. Но считаю, ей это не грозит.

– Ты присмотри за ней, с собой возьми. Ладная девка растёт.

– Да уж не оставлю, – покачал я головой.

И не стал говорить, что хочу и её с собой взять. Неизвестно, как жизнь повернётся, зачем человека обнадёживать. Только, чувствую, ждала она этого предложения.

После обеда всё завертелось по кругу: силки пусты, рыба не клюёт, ямы деревянной лопатой еле копаются. И лишь ближе к вечеру попался второй карась, не хуже первого. Сделал его также в глине, пусть Машка порадует. Купание вечером – просто кайф по сравнению с утренним, наплавался вдоволь. Надо пользоваться моментом, пока солнечные деньки стоят. Потом дожди пойдут, и останется исключительно обливание.

Софа сварила гречневую кашу с какими-то корешками и жульенчик по моему рецепту. Слюна потекла, когда карась готовил, а увидев кашку, еле до прихода Машки дожил. Ощущение было такое, словно желудок уже сжевал все кишки и начал с любопытством на яйца поглядывать.

Сестрёнка притаранила пилу и тетиву. Пила хреновая, но можно пилить одному. А ещё она принесла три наконечника для стрел. Что ж, начнём охоту.

Малявка сегодня лопала за обе щеки и не думая отказываться. Наш человек. На завтра наметили встать пораньше и вместе отправиться за шкурками: деньги нужны, пора соль закупать.

Встали затемно. Голова с непривычки ни черта не сообщала, пришлось вылить на неё черпак холодной воды. А-а! Сразу полегчало. Остальные утренние процедуры прошли в штатном режиме. Собрались в темпе и направились к тайнику. Протопали по ночному лесу километра четыре. Машка, несмотря на потёмки, не плутала, шла прямо и с наступающим рассветом вывела нас к здоровенному тополю.

Ох, ёж твою! Я, раззявив рот, с минуту рассматривал это диво дивное. Такого встречать мне ещё не доводилось. Где крона кончается, и не видно, а диаметр ствола – метра два, не меньше. Похоже, реликт какой-то. Сибирский баобаб¹⁴, однозначно. На высоте метров четырёх-пяти ветка сломана,

¹⁴ Огромные вековые тополя в Сибири не редкость. Так, чёрные тополя в пойме реки Тайдон достигают 30 метров в высоту и в обхвате до 2 метров. Два гиганта обнаружены на острове реки Бия Алтайского края – тополь лавролистный и тополь чёрный. Высота тополя лавролистного – 31,5 м, диаметр ствола – 122,3 см. У тополя чёрного эти показатели соответственно равны 29 м и 200 см. В пойме нижнего течения реки Снежная растёт уникальный экземпляр тополя душистого. Примерный возраст гиганта – 350 лет, окружность ствола на высоте 1,3 м – 610 см, диаметр – 194 см.

но не упала, а откинулась на соседний тополёк. Со стороны казалось, будто великан облокотился на подростка.

И как на него залезать? Хотел у Машки спросить, повернулся, а говорить-то и не с кем: она уже потихонечку, паучком карабкается по топольку-подпорке. Добралась до его вершины и быстренько перелезла на сломанную ветку. У меня аж дыхание в зобу спёрло. Не дай бог, навернётся. Не знаю как, но прибью Мишку за такой тайник. А эта мелочь свободной, прогулочной походочкой прошлёпала по почти горизонтально лежащему брёвнышку, помахала мне сверху ручкой и язык показала. Вот вредина, я переживаю, а она...

М-да, моя очередь. Не, залезть-то я, конечно, залезу, но обратно, наверно, до обеда сползать буду. А что делать? Авторитет поддерживать надо. Мишка я или хрен собачий?

Пока забирался, сложил кучу матов: на себя, дурака, что полез; на Мишку, гада, устроившего такую подляну; на сеструху вредную – весело ей, видишь ли, наблюдать, как я неуклюже взбираюсь; на долбаный тополь – вырос тут, понимаешь ли, и ветки поразбросал. Но наверху все маты из головы выветрились.

Солнце едва всплыло над лесом. Я был восхищён открывшимися видами. Эх, фотика нет! Шишкин отдыхает. Истинного очарования природы не передаст ни одна картина. Машка не тревожит, прониклась моментом.

О, вспомнил про это чудо – оно и затараторило. Оказалось, я весь такой мудрый и шустрый, однажды из любопыт-

ства сюда забрался и обнаружил на тополе-великане затейливо расположенное дупло. Во я какой! То есть Мишка. Ну... всё равно люблю, когда за дело хвалят.

Тайничок, кстати, хитро спрятан в развилке двух веток; не забравшись сюда, его и не увидишь. Само дупло ещё и здоровым куском коры прикрыто, за которым и прячется вход в Мишкину сокровищницу. Ух ты! А комнатка тут просторная, и шкурок собрано порядком. Немного заячьих и беличьих, но в основном колонок, соболь и лиса. Даже волчья и бобровая висят. Интересно.

– Маш, а бобра я где взял?

– На восход излучина Волчьего ручья лежит, от неё вниз дакинь вёрст сбежать – бобровая запруда стоит.

– Сколько вёрст?

– Дакинь... девять.

– Ясно.

У сестрёнки и раньше сибирские словечки в разговоре проскальзывали, но понять их было можно. И откуда, спрашивается, нахваталась-то? Ведь в их с Мишкой деревне нет коренных сибиряков. Как мне сказали, там все крестьяне пришлые, около пяти лет в этих местах живут, а мы с Машкой – два года.

– Запруда год уж как поставлена. Ты говорил, о ней никому знать нельзя, иначе изведут бобров. – Она потупила глазки. – Ты не хотел его убивать. Это из-за меня.

– Объясни.

– Я заболела тяжело, тоже у бабы Софы лежала. Ты давно знал о бобровой семейке, потому и не выдержал, пошёл бобровую струю добывать. Запропал на пару дней, а когда вернулся, я выздоравливать начинала, и струя уже не нужна была. Ты так смешно выглядел: грязный, злой и ругался шёпотом. А струю мы зимой собирались продать.

– И струя тут?

– Да.

Я разглядел небольшой кожаный мешочек. Достал, открыл, вытряхнул содержимое на руку. Вот они, груши. Аккуратно Мишка их оприходовал, подсохли уже. По сути своей это бобровые железы, и содержится в них много чего полезного. Если мне не изменяет память, в данное время они порядочно стоят и считаются чуть ли не панацеей от всех болезней. Недаром Мишка сразу за зверюшкой кинулся. Именно из-за них, а не из-за шкуры, вывели почти всех бобров в России к двадцатому веку, да так, что после революции их лов запретили на долгие годы.

– Хорошо, бобровое оставляем, а остальное я к бабе Софе отнесу. И ты давай беги в деревню, не задерживайся.

Сестричка резко кивнула и быстренько засеменила в обратный путь. С трепетом посмотрел ей вслед. По сломанной ветке, как по проспекту, шастает, словно всю жизнь на высоте четырёх метров от земли провела.

Ладно, Машку спровадил, чтоб моего позора не видела, шкурки сбросил, чтоб не мешали, пора начинать длитель-

ный процесс сползания. Да-а, сейчас мы медленно-медленно спустимся вниз и перее... э-э... О чём это я?

Сползая, обдумывал, как распорядиться местным богатством. Шкурки, слава богу, все зимой добыты, но выделаны хреново, и дырки есть. Выходит, Мишка зверьё не только силками брал. Эх, придётся до ума доводить – подшивать и затирать. А бобровую фигню куда пристроить? Продать, скорее всего, лишь в городе получится, в аптеку какую-нибудь. Может, самому настойку сделать? Тогда Софа могла б её под видом лекарства по чуть-чуть продавать, в розницу дороже сбавим. Хотя кому в этой глуши сбавишь? Деревня, блин, не по карману им.

Бобровая струя – замечательное лекарственное средство, я сам им когда-то пользовался. Раны лечит прекрасно и в качестве виагры подойдёт. Что ж, позже с Софой посоветуемся и решим, куда её деть, а пока – ать-два, ать-два – домой хромаем. Рановато я спрыгнул, теперь лодыжка побаливает. О, а землянку я уже домом считаю. А и верно, что ещё мне в девятнадцатом веке домом считать?

Ведунья малость офигела, увидев огромную охапку шкурок. Да, Софа, мы богачи. Так и хотелось сказать «Мадам, подберите челюсть», но удержался. Предложил взять за лечение и проживание столько, сколько сама посчитает нужным. Отказалась. Ну, как хотите. Отобрал три заячьи шкурки похуже и вручил ей с наказом купить соли в деревне. Но

вообще-то, за солью следует в соседнее большое село съездить, там она гораздо дешевле. А вот с мехами можно и в ближайший городок рвануть, Канск называется, но тащиться туда долго. Ещё я попросил знахарку разузнать, не продаёт ли кто в деревне козу, молочко нам зимой очень пригодилось бы. Коровы на нашу компанию многовато, а коза пришлась бы в самый раз.

Теперь пора и на рыбалку: карася хочу. Вчера на червя ловил, сегодня на опарыша попробую. Когда пошёл проверять силки, стал постепенно выпадать в осадок: в одном заяц дёргается, в другом куропатка трепыхается. Йес, попёрло!

Иду домой, а в пруду удочка плавает. Достал рыбёшку, опять кило на полтора. Точно попёрло! Забросил удилище по новой, хорошенько закрепив, а то в воду лазить задолбало. Если так дело пойдёт, придётся клетки для зверья сооружать, а лучше коптильню. Не-е, лучше и то и другое. Перед обедом снова карася поймал, будет Машке пожива.

К приходу ведуньи стол ломился от еды, а я, хоть и покусовничал во время готовки, сидел и с нетерпением ждал начала обеда. Кажется, аппетит у меня растёт в геометрической прогрессии. Отобедав, обсудили, куда пристроить товар «от бобра». Как и ожидалось, в местной глухомани его не продать. В городе есть аптека, там купят с радостью, но дёшево. Нам это не подходит, Софа сказала, нефиг деньгами разбрасываться. Выгоднее в деревне водки купить и настойку сделать. На осеннем торгу за неё на треть дороже выручим, чем

за сухую струю, да и шкурки там покупают неплохо.

Ага, значит, готовим всё к ярмарке. Что, не ярмарка? Ну торг, какая разница. О, а эти маленькие бутылочки откуда? Из сундука? Чёт я их там раньше не видел. Удачная посуда, по ним настойку и разольём. Жаль только, с козой облом вышел: нету ни у кого на продажу. Стало быть, и этот вопрос на торгу решать предстоит.

Потом я бегал как ужаленный: от пруда к силкам, от силков к пруду. Вытащил бочку из погреба, поставил в воду, пушай отмокает. Будут у нас зимой солёные грибочки. Софа куропатку ощипала. Прекрасно, мне перья для стрел нужны. Клюнул ещё карась, а вот в силках до вечера было пусто. Обожжённых кирпичей уже на небольшую коптильню хватает, заяц в неё наверняка влезет. Что ж, теперь пора и за пошив обуви приниматься.

И такая хренотень всю неделю, каждый день.

Глава 3

Удивительно устроено человеческое мышление. Скажи мне кто тринадцать дней назад, сколько я всего успею сделать за столь малый срок, послал бы его далеко и надолго. Правильно говорят умные люди: делай что должно, и будь что будет.

Я лежал на солнышке, после тренировки и купания вымотанный до предела, и размышлял о прожитом в данном мире времени. Почему-то лишь в последние дни начал осознавать: я уже не солидный бизнесмен и человек, много испытывший, а молодой пацан, у которого вся жизнь впереди. Может, гормональная система проснулась от активной кормёжки? Слава богу, половой активности пока не наблюдаю, тьфу-тьфу, чтоб не сглазить. Правда, как ни лопаю, ни капельки не поправился, всё куда-то проваливается. Ха... остаётся надеяться, это растёт мой внутренний мир.

Питание нашей компашки я вроде наладил, хотя далось мне это нелегко. С рыбой поначалу были проблемы. Удочку решил забросить: некогда с ней возиться, да и не клюёт почти. Пришлось вспомнить, как плести вершу, которую здесь, в Сибири, называют мордой, или мордушей. Это ловушка такая для рыбы, из веток сплетённая. Удобная штука: забросил в воду – и гуляй свободно, только не забывай периодически доставать попавшуюся рыбёшку. Знахарка говорит, в си-

бирских деревнях все так ловят. Количество добытой рыбки сразу возросло. Карасей в глине я к ужину нынче постоянно готовлю, уж больно женщины к этому блюду неравнодушны. Потом и на Волчьем ручье поставил парочку мордуш, там крупный хариус встречается.

Но всё же больше всего здесь дичи и зверья. Ну, неудивительно, место довольно глухое. Где-то на западе, верстах в восьми от хутора, находится родная деревенька Мишки и Машки, на юге, верстах в семи, – деревня сибирских старожиллов. Из них редко кто охотится, и то в основном зимой. А на север и восток вёрст на семьдесят глухая тайга, и там никто не живёт. Даже прохожих охотников Софа в этих местах за полтора года ни разу не видела.

Новых силков не ставил, но накопал мелких ям-ловушек. Ох и намаялся же деревянной лопатой землю ковырять, мама дорогая! Зато теперь туда регулярно рябчики попадают. Всего и надо-то лишь ямку в форме кувшина выкопать – сверху узкую, снизу широкую, тонкими веточками и листиками дыру прикрыть, а на них хлебных крошек насыпать. Птица, провалившись, выбраться уже не способна. Иногда в яме то куропатка оказывается, то глухарь. Скопился излишек дичи, взялся её коптить. Копчёненькое хорошо идёт в качестве дополнения к свежему, и запасец на чёрный день скапливаться стал.

Я и клетки смастерил, сейчас в одной три куропатки копошатся, а в соседней пара длинноухих тусуется. Не-не, не

эльфы, бойкие серые зайцы. Одного от силков на вытянутых руках вынужден был нести: он лапами сучил не хуже пропеллера, в клетке и то не сразу успокоился. Как у него сердечко выдержало, не представляю; такие горячие, когда их за уши из ловушки достаёшь, обычно от разрыва сердца умирают. А вообще из всех животинок мне за двенадцать дней попало аж шесть зайцев, да ещё колонок заглядывал, но он прямо у меня на глазах выкрутился из силков и слинял, только хвост мелькнул.

Из лука удалось подстрелить двух жирных глухарей. Подкрадывался к ним метров на семь-восемь, с более дальнего расстояния боялся стрелять. Тут ведь нужно бить наверняка, а то, если слегка подранишь, запросто можешь стрелы лишиться, а их всего три штуки. Вон курица без головы минуты две пробегать может, а подранивший глухарь стрелу и на десяток вёрст с лёгкостью уволочёт, ищи потом ветра в поле.

Не забывал и о строительстве нашего гибрида сарая со спортзалом. Первые дни спиливал лиственницы диаметром примерно двадцать сантиметров, сучки срубал, кору с них снимал да нарезал стволы на куски. Далее волок или катил всё на поляну к землянке. Самые тяжёлые, пятиметровые, брёвна перетаскивал вместе с парнем, зашедшим к Софе за настойкой для больной матери. Он посчитал, что полдня работы – это лучше, чем несколько медяков отдавать.

Сарай я собрался ставить двойной. Половину, закрывающую вход в землянку, сделаю тёплой: и пол положу, и печку

поставлю, а брёвнышки для стен возьму самые толстые. Там в отдельном загончике козу держать станем, рядом закуток для душа соорудим, за ним – туалет. В холодной части будет спортзал, рядом – хранилище для мяса и шкур, а в самом конце сарая – вход в старый погреб.

Пилить задолбался. Лиственница для дома, безусловно, хороша, но обрабатывать её – у-у-у! И пилишь, и пилишь, зубья смоляными сгустками забиваются, чистишь их и опять пилишь. А силёнок-то у Мишкиного организма фиг да ни фиг.

Но в целом мне здесь всё же нравится, и хоть целыми днями ношусь как угорелый, но жизнью такой доволен. Не знаю уж, знахаркины настойки так сказываются или ощущения молодого тела накатили, но оптимизм и энтузиазм из меня прёт со страшной силой. Чувствую, горы могу свернуть. Надо бы узнать у Софы: зелье витаминное по утрам она для меня исключительно на травках заваривает или вместе с сушёными грибочками?

Начал задумываться о будущем. Планы пока туманные, но с ближайшими я уже определился. Необходимо к осенне-зимнему промысловому сезону основательно подготовиться. Охотником я, разумеется, оставаться не собираюсь, однако этой зимой поработать придётся. Меха – это деньги, а деньги нам в скором времени ох как понадобятся.

Ещё мысля в голове сидит: Волчий ручей проверить на наличие золота. Чем чёрт не шутит, вдруг крупно разбогате-

ем, золотишка-то в окружающих землях хватает.

В прошлой жизни часто приходилось бывать в Сибири на золотых приисках. Вот интересно, сейчас начинаю понимать: я довольно неплохо помню, где тут, на Енисейском кряже, миллионы рублей в виде ценных металлов от глаз людских спрятанные лежат. Когда-то знакомые из золотодобывающих компаний возили по своим «кладовым», хвастали, так сказать. Видел я много крупных месторождений: и «Благодатное», и «Олимпиадинское», и «Эльдорадо». А там, конечно, охота-рыбалка. Случалось, по неделе вокруг рудников с ружьишком бродил.

Вряд ли окрестности за полторы сотни лет сильно изменились. И, если не торопясь походить, внимательно посмотреть, я, наверно, смогу отыскать все места, где побывал. Значит, летом переберёмся в Енисейск и уже в городе сориентируемся, как дальше жить.

– Поздорову, братан. Отлѣживаешься?

Оп-па! От неожиданности я чуть в штаны не наложил. Как этот жлобина сумел столь тихо подобраться?! Уснул я, что ли?

– Чѐ-то нюхлый¹⁵ ты. Выздоровливалш хоть?

Мои мысли понеслись вскачь. Ага, братан. Вполне вероятно, брат, кому ж ещё здесь бродить и о Мишкином здоровье спрашивать. Из двоих его братьев рыжий только один, и возраст сходится.

¹⁵ Нюхлый – болезненный, слабый (сибирский говор).

– И тебе не хворать, Гнат. Потихоньку выздоравливаю. Вот из домины стал выбираться, баба Софа на солнце лежать велела.

Слава богу, за тренировкой меня не застали, иначе вопросов было бы выше крыши.

– Кости погреть тебе надо, да-а... – Он постоял, оглядывая изменения на поляне. – Знахарка-то хорошо кормит?

– Да, нынче-то с едой получше. Охотники на зиму решили остановиться, подкармливают.

– А-а... То-то смотрю, у вас амбар начат. На зиму, говоришь? Они, чё ль, Софье Марковне шкурки дают?

– Они.

– А где счас?

– Да в тайгу подались, хотели на севере лабаз сладить.

– М-м... Тута, это, Мишка... Ты бы к ним набился в содружники: тятя больно зол, домой не пустит. Нахлебником ты кличет и знахарке муки, сказал, не даст. А с охочими людьми всяко перезимуешь, и мы, ежли чё, подсобим.

О как! Ну родитель, ну сволочь! Сбагрил сыночка, гад. Не удивлюсь, если жалеет, что я не помер. Корми теперь больного. Мне, вообще-то, такое предложение на руку. Но всё же какая скотина! Та-ак, соображаем быстро, что можно с «родненького» папеньки стясти, а то подумает ещё о моём вольготном здесь проживании.

Скорее всего, на лице отразилась буря кипевших в душе эмоций, поскольку Гнат принялся меня успокаивать:

– Ты, братко, не серчай на него. Поживёшь тута чутка, тя-тя, мож, охолонёт. А приживёшься, и то хорошо. Зимой худо станет – подмогнём. Мамка вот узелок передала, волнуется. И от нас с Фёдором крохи есть.

Гнат поставил принесённый узелок на скамейку у землянки. Я постарался сделать задумчивую морду лица.

– Мне одному поначалу тяжело будет. Не помешало бы Машку в помощь, хотя бы после работ в поле. Вместе нам зимовать сподручнее.

– Да нешто зверь тятка! Отпустит Машку. – Он явно обрадовался. Наверно, полагал, я права начну качать. – Тады побёг я. А... – Он замер. – Софье Марковне ты уж сам про тятин наказ обскажи.

– Ладно.

Фу-у... Даже не верится, что так легко отмазался. Свобода-а-а! И от внимания, и от обязательств. Не, ну как повезло-то! Пришёл бы Гнат на час раньше или позже – была бы самая красивая попа. Его, похоже, послали сюда за прояснением обстановки: как там хворый поживает и почему Софа шкурки на обмен таскает. Интересно папашке стало, не я ли тут добытчик. А мне бы стоило догадаться, что рано или поздно с проверкой кто-нибудь нагрянет, тем более сегодня воскресенье, выходной. Да-а, рано я расслабился. Но мы с ведуньей всё же молодцы, заранее договорились рассказывать о якобы пришедших к нам на постой охотниках.

Эйфория понемногу проходила. Брат давно ушёл, а я ва-

ляюсь. Эх-х, подъём, Сашок, нас ждут великие дела!

А через день к нам заглянула мама Машки и Мишки. Я, придя к обеду, увидел её, сидящую с Софой на лавочке у землянки. Удивило, что сразу понял, кто пожаловал. А ведь у знахарки уже четыре посетительницы побывали, мог бы предположить: вот ещё одна. Но нет, с одного взгляда осознал: мама пришла.

Получается, Мишка у меня где-то в подсознании засел? У-у, Саша, именно этого тебе для полного счастья и не хватает. Со временем начнётся раздвоение личности, и... тихо шифером шурша, крыша съедет не спеша. А с другой стороны... одиночество теперь не грозит, отныне ты, так сказать, всегда в компании. «МиСашка компани» – неплохо звучит, однако. Ой не-е, на фиг, на фиг нам такое счастье! Надо вытряхнуть эту дурь из головы.

Софа, заметив мой приход, встала.

– Пойду к обеду стол соберу.

Мать повернулась, глаза обеспокоенно вглядываются: судя по всему, с нетерпением ждала встречи.

– Здравствуй, сынок.

– Здравствуй, мама.

О чём говорить, понятия не имею.

– Как ты себя чувствуешь? Софья Марковна говорит, во-все поправился.

– Не беспокойся, мама, я здоров.

Чтоб не стоять перед ней пеньком с глазами, присел рядом.

– Похудел-то как.

Меня погладили по голове, попытались убрать лохмы со лба. Чёрт! Давно я не ощущал такой неловкости. И не отвертеться ведь. Ага, попаданец должен стойко переносить все тяготы попадалова, поэтому сиди, Сашок, терпи и не питюкай. Почему-то вспомнился препод военной кафедры института и его наставления по обучению солдат: «А если тягот и лишений нет, вы должны их сами себе создать, чтобы затем стойко переносить!»

– Ешь-то сытно? Мясо есть в доме?

– И мяса, и хлеба хватает. Сейчас обедать будем, увидишь.

– А работать тебя, сыночек, много заставляют?

– Да сколько могу, помогаю. Последние жилы не тянут.

– Вот и хорошо, родной, вот и хорошо.

Она продолжала перебирать мои волосы, гладить меня по спине и плечам, а я украдкой изучал её и пытался понять, что же за человек моя новая мама.

Возраст примерно как у Софы. Лицо, хм... когда-то красавицей была, только сохранила красоту гораздо хуже знахарки. Похожа на Ирину Алфёрову. Худая, даже сухонькая вся. Ростом чуть выше Мишки. Волосы наполовину чёрные, наполовину седые. И... молоком от неё пахнет. Видать, поваляла её жизнь. Порадовало, что Мишку любит, этого не сыграть. Уж меня тут не обманешь, за пятьдесят шесть лет

многое повидал.

– Ты повзрослел. Спокойный стал. Совсем большой уже.

Да уж! Не дай бог тебе когда-нибудь узнать, насколько Мишка повзрослел. Зачем тебе лишние седины?

Обед прошёл немного скованно. Мать очень обрадовалась обилию еды на столе. Ела, правда, скромненько, но любопытства сдержатъ не смогла, по чуть-чуть всего попробовала. Потом просто сидели болтали. Говорили в основном старшие, я вообще старался помалкивать. Меня в ходе беседы опять принялись гладить и рассматривать. Женщины обсудили осенний урожай, виды на зиму и наконец-то распрощались. Все были довольны.

В целом встреча с Мишкиной матерью оставила у меня двойственное впечатление. Вроде она и человек хороший, и общаться с ней приятно, но сохранился непонятный осадок. Может, дело в слегка затравленном взгляде? Конечно, жизнь у неё не сахар, с таким-то мужем. Но создаётся впечатление, будто она не в силах принять какое-то трудное решение, сделать окончательный выбор. Какой? Не знаю. Надеюсь, время подскажет ответ.

Честно говоря, не хочется больше с ней встречаться. Всё понимаю, сочувствую, но... не хочется. И не потому, что она способна понять: место Мишки занял другой, хотя и это важно. Нет, причина нежелания видется сидит где-то в подсознании, а своему подсознанию я доверяю. В прошлой жизни иногда пытался идти наперекор интуиции, но ничего путно-

го из этого не выходило.

Поинтересовался у Софы, что ей известно о нашей семье. И тут мне на голову вылилось столько шокирующей информации, еле успевал падающую челюсть подхватывать. Оказывается, папашка нам не родной, мы с сестрёнкой, так сказать, плоды барской страсти. Ё-моё, привалило радости полные штаны! Свезло ж тебе, Сашок, вляпаться! Твой ангел-хранитель не только нормального тела подобрать не смог, он и семьи-то нормальной не нашёл. Ну етишкина жизнь!

Ситуация для данного времени обычная. Любили парень с девушкой друг друга, женились, пару пацанов народили. И всё бы ладно у них шло, да беда рядом ходила. Позарился местный помещик на красавицу жену и увёз крепостную в свой столичный дом. Муж раньше тихий и добрый был, а стал злой и горькую запил. Если б не дети, сложил бы буйную голову, но забота о них удержала. Вскоре крепостное право отменили, и собралось полдеревни в Сибирь на житьё податься. Надумал и одинокий отец с детьми на новом месте счастья поискать, а жена его, смирившись со своим положением, продолжала у барина жить. Двух детишек ему выносила и, даже перестав быть крепостной, осталась с ним.

И вроде жизнь пошла складываться, детей помещик решил своими признать: других-то у него не имелось. Да видно, беда этого и ждала. Провалился барин-кормилец весной на реке под лёд вместе с санями, быстро достать не смогли, и

слёг он в лихорадке. Так и не вставал более с постели. Родственнички быстро имущество к рукам прибрали, а ненужную приживалку с детьми в сани посадили и в родную деревню отправили.

Приехала она, а мужа там уж и след простыл, отец с матерью тоже в Сибирь перебрались. Пришлось ей с малышами и ещё с парой семей в дальний путь пуститься. Сполна в дороге горя хлебнула, но, слава богу, довезла детей живыми и здоровыми. Муж в дом принял (хорошо хоть в отсутствие жены другую не завёл), но чужих детей сердцем не признал. Вновь к спиртному пристрастился, затем по пьяни жену с детьми бить начал. Вот такая судьба-злодейка. Догадываетесь с трёх раз, кто ж эти несчастные барские детишки?

Чёрт, что ж я раньше-то знахарку не расспрашивал? А по сути, когда? Носишься тут целыми днями, как электровеник, мысли исключительно о сарае, о жратве да о деньгах. Думал, Машка мне всю подноготную о семействе поведала, а эта мелочь многого и не знает, а скорее, просто не хочет говорить о плохом. Деревня есть деревня, соседские детишки наверняка нас регулярно дразнят. Какими-нибудь подкидышами или приживалами обзывают, детвора на выдумку ловка. Уверен, знала о наших бедах малявка, но промолчала как партизан.

А помнит ли она настоящего папашку? Так, сейчас ей десять с половиной, два года здесь живут, из России около полутора лет добирались. Выходит, ей тогда и семи лет не исполнилось. Да нет, не должна помнить, впоследствии тяжё-

лая дорога выдалась, целое море впечатлений. А вот Мишка мог. Сразу становятся понятными все неувязки взаимоотношений его с отчимом. У отца он был единственный сын и наследник, а здесь не пришей кобыле хвост, и характер не сахар. Пожалуй, ещё и вякал не по делу постоянно. В результате стал по шее получать, дальше – больше. Молчал бы в тряпочку – глядишь, и устаканилось бы всё.

Хотя вряд ли. Мишкин папачос слишком уж унизил отчима. Тот красавцем считался и силы был недюжинной, рост почти два метра. В общем, первый парень на деревне. Да он и сейчас первый силач: как напьётся, никто с ним не связывается. Один раз деревенские попробовали его вразумить – успокаивать с колыями пришли. Ха, еле ноги унесли, пятеро мужиков потом долго отлёживались. Нынче же, если требуется утихомирить отчима, старики приходят и на совесть давят.

И вот на этого бугая нашёлся бугай ещё здоровее. На какой-то сельской гулянке народ бороться затеял, потехи ради. Отчим всех осилил, но тут Мишкин папашка на огонёк заглянул и играючи его в пыли повалил. Вполне вероятно, и не играючи, но сельчане именно так поединок описывают. Програвшему угомониться бы и поражение признать, но нет, молодая кровь выиграла, а выпитое в голову ударило. Решили на кулачках продолжить. Ну и отметелил помещик своего гонористого холопа, да так, что нос теперь набок свёрнут и шрам в полщеки.

Тут ещё маман на глаза попалась. У папашки гормоны разыгрались: как же, все бабы мои, я всех побидю. Хозяин я в деревне или нет? Это наша корова, и мы её доим... э-э... то есть это наш курятник, и мы его топчем. Взял и уволок красотку к себе на ночь. И видать, очень ему Мишкина маманя понравилась: на следующее утро выпадало в Санкт-Петербург срочно ехать, так он и её с собой прихватил. Питерские тайны какие-то, бляха-муха!

Сваливать нам отсюда нужно, и чем скорее, тем лучше. Каши нам с этим «папой Карло» не сварить. О, а ведь и Мишка пришёл к этому же выводу, потому и шкурки копил на дорогу. Только один он хотел уйти или с Машкой? А может, втроём с матерью? Стоп! Он сестрёнку во время болезни предупреждал: навсегда уходит. Значит, всё же один. Ага, а бобровую струю они собирались вместе продавать. О-хо-хо, мозги глючат от недостатка информации.

Ладно, сейчас это, по сути, неважно, со временем многое прояснится.

Вечером хотел поговорить о нашем прошлом и будущем с сестрёнкой, да она слишком вымоталась за день. Рухнула спать и моментально засопела, а у меня сна ни в одном глазу, хоть ты тресни. Я уж и полежал, и на улицу сходил проветриться, а сон всё не идёт. Помогла Софа: видимо, достали её мои метания. Поинтересовалась, что со мной происходит, а когда поняла, просто сказала «Спи», и я словно в омут провалился. Наверно, опять рукой махала.

Утром, после завтрака, решил спросить:

– Софья Марковна, не расскажете, как вы людей усыпляете?

– Отчего ж не рассказать. – Она улыбнулась. – Галина учила: «Коли чуешь в себе силу, сожми её в кулаке, будто комок шерсти, а затем кинь в человека и посыл нужный отдай. Следи, чтоб комок в паутинку развернулся и человека спеленал. Хватит силы – выйдет по-твоему».

Ё-моё! У меня волосы во всех местах зашевелились и мурашки табунами по спине поскакали.

– Любой приказ отдать можно?

Софа рассмеялась, как весенний ручеек зажурчал, и весь мой страх поплыл и растаял. После уже вместе смеялись.

– Ты, вижу, испугался, лицо уж больно перекосилось.

– Испугаешься тут.

– Да нет здесь страшного. Мир так устроен, люди всегда друг дружке посылы раздают. Кто-то благословляет и добра желает, а кто-то – наоборот. Про сглаз и порчу у вас знают?

– Знают.

– И чего ж того бояться? Ты пойми, если бы все пожелания плохого сбывались, люди бы давно вымерли. Но нет, как видишь, они продолжают жить и здравствовать. Жизнь зачастую сама плохому препятствует, поэтому придерживайся правил, и не случится с тобой несчастье. А от порчи я вас с Машкой научу защищаться.

– Да о порче я и раньше представление имел. Но у вас же усыпить получается.

– Твоему телу отдохнуть нужно было. Спать ему на благо, я послал с добром слала. Твоя голова не понимала, а тело почувствовало, что ему добро советуют, и согласилось.

– Выходит, со злым умыслом не усыпить?

Знахарка вздохнула и нехотя ответила:

– Можно и со злом.

Потом чуть-чуть помолчала и продолжила:

– Некоторые этим пользуются, и не только усыпляют, бывает и более страшное творят. Недаром в народе сказки про ведьм ходят. Но за зло платить надо.

– Это как же?

– По-разному. Некоторые здоровьем расплачиваются, некоторые – судьбой, а у кого-то и жизнь короче становится. Чтоб зло принести, сил много требуется, ведь всё живое за жизнь борется.

– Этак ведьмы быстро помирать должны?!

Софа тяжело на меня посмотрела.

– Те, кто таким занимается, не всегда лишь для себя дурное делают. Чаще бывает, приходят к ним глупые люди и просят всякое непотребство совершить. Вот на них все проблемы и спихивают. Ведьма думает, не она зла хотела – не ей и ответ держать, – усмехнулась знахарка. – Хотят чистыми пред Богом остаться. Не-е-ет, он всё видит. И пусть даже на её судьбе содеянное сразу не отразится, впоследствии

оно обязательно ударит. Может, беда через детей придёт, а может, в следующей жизни настигнет.

– Как это «в следующей жизни»?

– Неужто у вас не знают, что человеку не одну жизнь прожить дано?

– Ну-у... вроде у индусов религия допускает множество жизней, но православная церковь подобное отрицает.

– Отрицает. Нельзя ей иначе, она создала себе каноны, от которых не отойти. Но я полагала, у вас последующие жизни уже не тайна для общества.

– Наверно, так и есть. Я, честно говоря, мало общался с людьми, в этом сведущими.

– Знаешь, однажды к моей наставнице Галине привела женщина свою дочь. Пятнадцать лет ей к тому времени исполнилось, красивая девочка, только умом какой была в два годика, такой и осталась. Галина взглянула на неё и спрашивает мать: «Деньги любит?» – «Да, – отвечает та, – постоянно с медными копеечками играет, других игрушек и нет». Тогда-то я в первый раз и узнала, как предыдущие жизни навредить могут. Эта девочка раньше всегда стремилась к деньгам и суженого выбирала не по любви, а из-за богатства. И так не одну жизнь. Вот Бог и наказал её, отняв разум. Хоть и красива, но кто ж её, неразумную, теперь замуж возьмёт? Подобные случаи на каждом шагу можно встретить. Если человек удачлив, то зачастую в прошлом он вдоволь лишений перенёс; и на оборот, страдает человек, понять не в силах, за

что ему этакая напасть, а ведь он всё хорошее в другие свои рождения выбрал, для этого ничего не оставил.

– Получается, страдальцу ничего не исправить?

– Почему же? Знай простые правила, и будет легче.

– Это какие же?

– Представь. Тебе не везёт. Что решишь делать?

– В первую очередь рисковать перестану.

– Правильно. И лучше таким людям жить тихо, спокойно.

Я им советую в монастырь уходить, грехи замаливать.

Понятно. Раз не прёт, сиди на попе ровно и не отсвечивай.

– А ведьмы и знахарки исправить это могут?

– Кто посильнее, многое может, но тем, кому они решили помочь, в их следующей жизни станет ещё хуже.

Опа! Да кто же у нас о проблемах следующей жизни думает, которая в представлении многих если и возможна, то где-то там, за дальними горами, за седыми облаками? При этом будет она или не будет, никому определённо не известно, поэтому все и всё желают получить сразу. А мне зарубка на память: где везение шибко понадобится, надлежит у Софы помощи просить. Пусть поворожит, для верного дела можно и у будущего чуток удачи занять.

Всю следующую неделю я как проклятый собирал сарай-переросток. Эх, почти месяц возжусь, а конца стройки и не видно. Пару раз дождик прошёл. Надо бы мне поспешить, а то в любой момент может затяжной ливень зарядить, и нам

без крыши над сараем тяжело придётся. Сибирь непредсказуема, если в прошлом году с погодой повезло, то это не значит, что и нынче будет так же.

Картошку вместе с Софой выкопали и в погребке схоронили. Травы нарежали более чем достаточно, подсохнет – соберу. Надеюсь, козе на зиму хватит. Полезно нам, маленьким, молочко ежедневно пить, да и знахарке не помешает. В дальнейшем на сенокосы желательно купить косу-литовку, а то на карачках травку серпом срезать – хрень страшная, спина к концу дня гнуться отказывается.

Не забывал и про тренировки. Окреп и наконец-то начал набирать массу: внутренний мир, судя по всему, заполнился. Из лука уже прилично стреляю, ну, для начинающего, естественно. Он вообще-то слабенький, но с пятнадцати метров берёт всю бегающую и летающую мелочь. Если попадёшь, конечно. Кстати, и нож теперь тоже летает туда, куда мне хочется. Навыки постепенно нарабатываются.

С Мишкиным телом оказалось не всё так просто. За пятьдесят шесть лет прошлой жизни я привык к определённой мышечной реакции того организма, а здесь вначале слегка, а затем всё сильнее стал ощущать, что двигаюсь неправильно, особенно во время стрельбы из лука и метания ножа. Похоже, учили Мишку по-другому, другая координация движений. По сути, тренировками я сейчас переучиваю тело заново. Слава богу, недолго пацан с луком ходил, молод был. Попади я во взрослого, наверно, и походку пришлось бы по но-

вой осваивать. Обычный человек, пожалуй, и разницы бы не заметил, но я привык уверенно владеть своим телом. Хоть и не Рэмбо¹⁶ раньше был, но кое-что умел.

Тут ещё такой вопрос. Каждый человек склонен к какому-то делу лучше, к какому-то – хуже. У кого-то талант проявляется в быстром беге, у кого-то – в прыжках, кто-то очень ловок, а кто-то неуклюж, сколько его ни тренируй. В той жизни мне, например, легко давалась любая стрельба. Я всегда чувствовал, как полетит тот или иной предмет, не важно, камень это, стрела, нож или пуля.

А вот со своим новым телом пока не удаётся досконально разобраться, ну разве что я заметил необычную для пацана одиннадцати лет силу. Вероятно, Мишка в отца пошёл. По рассказам деревенских, поведанных мне Софой, его папаша на спор сразу по две подковы ломал. И теперь боюсь я, не возникло бы у Мишкиного тельца проблем с огнестрелом. Вдруг не предрасположено оно к точной стрельбе? Для меня, как хорошего стрелка в прошедшем будущем (ха, прикольное словосочетание), это ж как Моникой по рейтингу¹⁷. Но, не постреляв, не поймёшь.

Что ещё у меня получалось? Хм... Когда после института на заводе инженером работал, в целях расширения кругозо-

¹⁶ Рэмбо – центральный персонаж фильмов о Джоне Рэмбо, ветеране войны во Вьетнаме, специалисте по разведке и осуществлению диверсий.

¹⁷ Имеется в виду сексуальный скандал, связанный с президентом Биллом Клинтонем и сотрудницей Белого дома Моникой Левински.

ра освоил токарное, фрезерное и слесарное дело. Так, при работе с металлом я потом точные размеры на глаз ловил. А когда ювелирный завод приобрёл, неплохо пошли огранка драгоценных камней и гравировка по металлу. Специально этому не учился, больше для души нахватался того, что заинтересовало. Все эти способности предстоит при первой же возможности проверить, а там, глядишь, найду в новом теле ещё что-нибудь экстраординарное.

С началом следующей недели пришла жара; думаю, градусов двадцать пять, не меньше, а то и все тридцать. Машка с Софой в один голос утверждают, что обычно бабье лето значительно прохладнее. Ну, нам отсрочка холодов на руку: сарай ещё строить и строить. Стены тёплой части лишь на полтора метра в высоту сложены, и то последние пятиметровые брёвна Софа устанавливать помогала, уж больно они тяжёлые, заразы. И как нам дальше быть, даже не знаю. Эх, мне бы в помощь мужичка ладного хотя бы на денёк. Брёвна приготовлены, осталось их поднять и установить. Будут стены и крыша в тёплой части, с остальным уж и сам потом справлюсь.

В ожидании прихода посетителя мужского пола я озабочился сбором бересты. На крышу большие куски нужны, поэтому требуется найти много-много берёз с диаметром ствола не менее двадцати сантиметров и без сучков на срезаемых кусках. Зачем нам дырки в потолке? Не-е, нам дырки без надобности. Заодно я и ровные жердины собираю, их ведь на

крышу немерено пойдёт, там надо жерди в два наката положить, в один боюсь: зимой может снегом продавить.

В связи с этим пришлось ежедневно по двадцать – двадцать пять километров по лесу наматывать. Хотя сейчас в России говорят не километров, а вёрст, но, насколько помню, они почти равны. Сходил посмотрел на бобров. Их там трое оказалось. Одна явно бобриха, здоровая такая, и два детёныша при ней. Ну, малыши пускай пока растут, посмотрим, какими через год станут. А старшую обязательно отстрелим перед уходом, за неё хорошие деньги можно выручить.

Знахарка кучу всяких трав и ягод на продажу засушила и бобровую настойку сделала. Ох и долго ж я вонючий деревенский самогон угольками чистил! Водки, к сожалению, купить не удалось. Самогон бы по уму перегнать с отсечением хвостов, но где ж мне здесь самогонный аппарат взять? Сестрёнка целыми днями шныряет по лесу, грибы с ягодами собирает и половину в деревню матери относит – это у неё осенняя трудовая повинность такая. У нас уже три мешка грибов на зиму засушено и несколько берёзовых туесков, полных ягод, стоят. Их, кстати, местные для более долгой сохранности прямо в туесах топлёным жиром заливают. Говорят, в таком виде ягоды в погребе и до февраля простоять могут.

Каждый раз, проходя мимо Волчьего ручья, я, пользуясь последними тёплыми деньками бабьего лета, с удовольстви-

ем в нём купался. Вода там холоднее, чем в пруду, зато прозрачная и тиной не пахнет. Правда, участков, удобных для купания, всего четыре на десять вёрст, и то воды максимум мне по грудь будет. Мелковат ручеёк, но в конце двадцатого века в средней полосе России он считался бы нормальной лесной речушкой.

Присмотрел, где есть смысл золотишко поискать, надо бы этим делом до холодов заняться. Сначала меня поразили цвет песка в ручье при ярком солнце – золотой. Мелькнула радостная мысль: «Вот счастье-то привалило!» Но тут же обломался: песок блестел только на солнце и только в воде. На золото проверять не стал, в ладошке шлих не намоешь, лоток промывочный нужен. Решил его на торгу прикупить, делать самому с помощью ножа и топора – гемор ещё тот. Как ни старайся, выйдет грубо и для промывки малоприспособно. Стамеску бы, тогда бы попробовал, а так...

За пару дней до поездки на торг Софа надумала обсудить с нами цены на товар, в том числе и на бобровую струю. Знахарка постаралась донести до наших с Машулей мозгов, что выручка за пять бутылочек настойки – это огромные деньги для здешних мест. Можно плохонький дом в городе купить или два-три года жить безбедно. И за эти деньги нас могут запросто, по её выражению, живота лишить. Мы прониклись.

Посему мы с Машкой о бобрах забываем напрочь. Какие такие бобры? Не-е, шкура старая. Где добыта, не знаем. До-

бытчики кто? Да шут их знает. Дядьки с дальних краёв мимо проходили и, не назвавшись, в тайгу подались. Бобровую шкуру вообще в самом конце продаём, меньше ненужных вопросов услышим. А настойку уж Софа сама сбывать станет, она тут со многими знакома и представляет, кому этот товар по карману. Ко всему прочему, ложь прекрасно видит, вот ей и карты в руки.

Она считает, на торгу продадутся две-три бутылки, не более, там богатые люди нечасто бывают. Так что, если хотим всё сбавить, нам предстоит поездка в Канск. Наверно, это даже кстати: ружьё купим, без него, чувствую, зимой хреново будет. Заодно и револьверчик какой-нибудь взять не помешает, появится защита от лихих людей и прочих неожиданностей.

Потом определились с ценой на шкурки. Их у нас много. При этом спрос на зимний мех в середине осени большой, его реально продать по максимуму. Соответственно, выручка ожидается немалая. Старшим по торговле назначили Машку, а я при ней так, подай-принеси. Снижение цены хорошим людям разрешается лишь под чутким руководством главного начальника – Софы.

Глава 4

К торгу приготовили два мешка пушнины и один со знахаркиными травками. Захватили также сушёных грибов, ну и пять бутылок бобровой струи. Наварили настойки от гнуса, аж четыре здоровых горшка. Я сшил под них из мешковины две авоськи, напоминающие ушастые целлофановые пакеты.

Встали почти ночью. Как сестрёнка высказалась: черти в кулачки ещё не били. Женская часть нашей компашки приделась в новое и чистое, я отправился в повседневном: другого-то нет. Только недавно сшитые мокасины надел. Слегка перекусили, дверь палкой подпёрли и пошлёпали.

Вот что мне всегда нравилось в маленьких деревнях – и в той жизни у обеих моих бабушек, и тут, – так это отсутствие замков. Видят гости, палка к двери приставлена, значит, нет хозяев дома, принять некому. Сиди на завалинке, дожидайся их прихода или поворачивай туда, откуда пришёл. Кажется, здесь Сибирь, преступников сюда ссылают, бояться нужно, а люди спокойно живут.

И ладно бы так поступали одни бедные (что с них взять?), но и богатые семейства ведут себя подобным образом. Частенько для защиты от зверья вокруг дома огромный забор выстроен. На работы в поле народ уходит, последний же, самый шустрый, ворота и калитку на засов закрывает и, через забор перемахнув, вдогонку за всеми отправляется. И стоит

с виду неприступная усадьба, а за забор заглянешь – дверь в дом по-прежнему палкой подпёрта.

Ну а если всё же влез кто в дом без спроса, то наказание от хозяев зависит. Умирал человек с голоду и взял необходимое – отпустят с богом, а поможет по хозяйству – и рады останутся. С забравшимися же из корысти разное случается. Своему, местному, навалеют звездюлей по самое не балуйся, вытрясут компенсацию за нанесённый ущерб и отпустят. С чужим же как сложится: могут в полицию сдать, а могут и под ближайшим дорожным кустом закопать. После звездюлей, разумеется. Как русскому человеку без них, тем более повод такой.

Софа заранее договорилась поехать на торг вместе со знакомыми из соседней деревни, но не из деревни Мишки и Машки. И, я считаю, правильно поступила, не хрен отчиму знать про наши коммерческие дела. Оставался шанс столкнуться с односельчанами на торгу, но тут уж как повезёт. Потёмки в лесу были ещё порядочные, и хоть хорошо я изучил все тропинки в округе, но, пока дошли, чуть ноги не переломал: слишком неудобно охапку мешков нести.

Деревенька сибирских старожилов, в которую мы пришли, небольшая, я насчитал всего восемь жилых домов. В нашей с Машкой, Софа говорила, дюжина. Соседние деревеньки у нас, считай, самые маленькие в районе: в этой пятьдесят два человека живёт, в той – семьдесят три. И это с детьми. Мне такое положение, естественно, выгодно, всё же

меньше народа по лесу бродит. Вон за время охоты двоих грибников уже встретил.

Причём с первым, пацаном моих лет, столкнулся нос к носу, он тихонечко за деревом сидел, сразу и не заметишь. Меня узнал и по имени поприветствовал, а я, как дурак, встал столбом и сообразить ничего не мог. В голове, словно в зависшем компьютере, медленно перебирались варианты не подходящих в данной ситуации приветствий: адъёс, мучачос, бонджорно, чувак, здоровеньки булы, ас-салямю алейкум, и вам не хворать. Но наконец заклинившая в мозгу шестерёнка провернулась, я улыбнулся и просто сказал: «Здравствуй».

Мы с ним всего минут десять поболтали и разошлись, а рубаша на моей спине мокрой стала. Теперь, если кого изда- лека замечая, стараюсь обходить стороной. Ну его на... от греха подальше.

Поехали довольно быстро, я успел лишь немного по сто- ронам поглазеть, как меня позвали. Перед выездом Софа до- говорилась о покупке у жителей деревни трёх мешков кру- пы, заготовленной на продажу, и я отнёс их в сарай. Тяжё- лые, блин! Во мне корячиться-то придётся, перетаскивая всё на фазенду. Потом выяснилось, местные и козу продают. Отлично, нам забот меньше, тем более цена гуманная. При этом, насколько я понял, Софа с крестьянами будет частич- но травами и противокмаринной настойкой расплачиваться. Значит, денежку сэкономим.

Отправились на двух телегах в компании говорливого дед-

ка, угрюмого мужика и двух тёток. Сестрёнка их всех знала, бывала здесь раньше, а вот Мишка – нет. Причём знакомить меня со всеми никто и не подумал: мал ещё. Ну да я и не в обиде, познакомлюсь ещё. Видок у народа принаряженный: мужчины в сапогах, женщины в сапожках. Мои самодельные мокасины на этом фоне бледно выглядят. Про остальную одежду просто молчу, одна только ярко-алая рубаха деда чего стоит. Прямо революционер, ядрёна вошь! Да и поясной ремень у него красивый, и пиджачок новенький. Сразу видно, не бедствуют люди.

Впрочем, сибиряки всегда неплохо жили. Вот в гражданскую и в первые годы после неё бывали беды, а в царское время их достатку могли позавидовать все крестьяне России. Говорок у сибирских старожиллов уж больно забавный. В речи постоянно проскакивают всякие «знам», «ажно», «нетука», «помогчи». Мне в прошлой жизни довелось с ними общаться. В целом понятно почти всё. Отдельные слова переиначены, о смысле большинства можно догадаться, но есть и такие, которые без переводчика и не поймёшь.

Например, не все числа из России пришли: ну, «един» очевидно – «один», «пара» – «два», а «по-пусту» – никак не скажешь, что «семь». «Ерахты» – «три», «барахты» – «четыре», «чивильды» – «пять». Машка, стремясь повысить мою «грамотность», неделю эти словечки в мою голову вбивала. Что-то в памяти отложилось, но, если хочу людей нормально понимать, запомнить предстоит гораздо больше.

Вообще-то, мой разговорный язык отличается от местного деревенского, и Софа, и малявка мне часто на произношение указывают. Я пытаюсь общаться с людьми, можно сказать, на дворянском языке или на его версии, которая сейчас существует где-нибудь в Москве или в Питере. С одной стороны, конечно, здорово, в дальнейшем общении с сильными мира сего легче сложится, а с другой – сейчас-то выделяться не следует. Вот и стараюсь теперь молчать на людях, зато усиленно слушаю.

Когда сестрёнка припёрла меня к стенке, мол, что это я после болезни не такой, как всегда, пришлось с ходу сочинять душещипательную историю о том, что во время болезни на меня снизошло... эм-м... ну, много чего снизошло и... э-э... в сознание и подсознание вошло. Это как бы божий дар. Ага, а часть старого оттуда вышла: места в черепной коробке на всё не хватило. И нынче в моей голове каша... э-э... то есть скопилась в ней куча новых, никому не ведомых знаний, и от этого я лишился части своей памяти, а заодно и речь изменилась. Во-от.

Знахарка, слушая эту ахинею, сначала офигевала, потом давилась от смеха, а оставшись со мной наедине, высказала все свои ехидные соображения об умственных способностях попаданцев. Ой, да я и сам обалдел от своей «великой» фантазии, очень уж неожиданно Машка на меня наскочила. Ну а что скажешь десятилетней девчонке о брате, который ничего не помнит из прошлого, знает массу нового и говорит

как неродной?

Софа завела весёлый разговор с дедком и даже выглядеть стала моложе. Мне, не слишком привычному к сибирскому говору, было забавно наблюдать за их общением. Знахарку я понимал полностью, а дедок периодически вставлял незнакомые слова в общие фразы. В результате беседа на слух воспринималась несколько странно, но, судя по всему, трудностей в понимании друг друга они не испытывали. И что удивительно, Софа, столько лет прожив в глуши, не говорит, как местные. Сестра вон живёт в деревне не из старожилов, а словечек сибирских уже нахваталась. Зимой замаюсь переучивать.

Я сидел на трясущейся телеге, прислушиваясь краем уха к болтовне, и размышлял о нашем дальнейшем житье-бытье. Оставаясь крестьянами, нам к лучшей жизни будет трудно пробиться. Надо как-то дворянство получить. Эта мысль не раз меня посещала после рассказа ведуньи о княжеском семействе Полтоцких. Для дворян сейчас открыто больше дорог, чем для остальных. Само собой, добыть бумаги, подтверждающие благородное происхождение, тяжело, но, думаю, всё же возможно. А что? Переедем в город – слишком уж нас здесь хорошо знают – и займёмся облагораживанием биографии, а дальше посмотрим.

Стоит попросить Софу зимой за наше обучение взяться, и в первую очередь это касается разговорной речи и манер, ведь многое должна помнить из своей гувернантской жизни.

Она, кстати, поведала про мальчика Натальи Полтоцкой. Он всего на пару лет раньше Мишки родился. Воспользоваться этим, что ли? Звали его Александр, как и меня в той жизни. Знак свыше, однако. Машку сюда, естественно, только за уши сможем притянуть, но уши у неё длинные, почти эльфийские, выдержат.

Знахарка, надеюсь, поможет. Она ведь до конца оставалась с умирающей. Возьмёт и объяснит в полиции: выжил, мол, Александр Полтоцкий, и вся недолга. Я неделю назад порасспрашивал её о последнем приходе в красноярскую охотничью усадьбу князей Полтоцких, так персонал там, оказывается, был уже не тот, что ранее. Приезжала какая-то барская шишка и всю старую службу уволила, или, как тут говорят, рассчитала. Оставила нового управляющего, который судьбой ребёнка даже не поинтересовался, а услышав о смерти Натальи из уст Софы, просто захлопнул перед ней ворота, ничего не сказав.

Разумеется, всё, что я сейчас задумываю, для этой эпохи некрасиво и неблагородно, но я жил в другое время, и совесть моя молчит. Хотя нет, даже рада будет семейке Полтоцких пакость устроить. Если они забыли о своём благородстве по отношению к дочке и внуку, то почему я должен быть благородным по отношению к ним? Нарываться на неприятности не собираюсь, о происхождении станем говорить тихонечко и в крайнем случае. Но... чует моя задница, мексиканских страстей всё равно не избежать, да и у Софы, бо-

юсь, возражения возникнут. Опять же, смерть ребёнка могли официально зарегистрировать.

На худой конец можно и с матерью поговорить, вдруг папаня бумаги в подтверждение нашего дворянства оставил. Тогда вообще всё в кайф. Конечно, отдаст она их нам или нет, неизвестно, маловаты мы, как-никак, для самостоятельной жизни. Но поинтересоваться стоит. Эх, паспорта (или что нынче вместо них) – вот головная боль ближайшего времени.

Пока я размышлял о будущем, дедок успел пересказать Софе все местные новости и теперь травил байки из прошлого. А мимо тихонечко проплывала просыпающаяся тайга. Я так и задремал под монотонный *сибирский говорок*, сладко растянувшись на мягких мешках, и даже не обращал внимания на постоянную тряску.

Разбудили меня, уже когда подъезжали. На торг в село мы прибыли часа за четыре до полудня. Называлось оно Устьянское. На первый взгляд, довольно здоровое, уж точно больше сотни домов имеется. Торговый «сходняк» найти было нетрудно: наша дорога выходила как раз на окраину, где на берегу реки и скопилась вся толпа желающих сбыть товары, добытые тяжким крестьянским трудом. По моим прикидкам, здесь человек двести – двести пятьдесят, не меньше.

Перед въездом в этот шумный муравейник наш дедок встретил старого приятеля.

– Здравствуй, часом братан!

– И тебе, братан, поздорову!

– Чево нонча поздно?

– Дык глико, чё деется! Софа-матушка нас порадоват.

Похоже, ещё один знахаркин знакомец. Раскланялись они, разговаривать стали. О, как землю-то оба копытом бьют перед нашей хозяйюшкой. Ну пара гнедых рысаков, однозначно! Не-е, пара седых рысаков.

Наши телеги направили к стоянке приятеля деда, и мы двинулись туда напрямиком через людское столпотворение. После попадалова я впервые столкнулся с таким количеством народа и, надо признать, слегка растерялся. Странно, ведь полтора месяца назад по многолюдному Питеру бродил, а там толкучки и поболее бывали.

Оглядываясь кругом, никак не мог избавиться от ощущения массовки из исторического сериала. Весь народ принарядился, пестрота одежд бросается в глаза. Порядка, правда, не наблюдается, все торгуют прямо со своих телег. Продают всякую всячину, от зерна и картошки до стеклянных бус и платков. Некоторые носят лотки свежеиспечённых, вкусно пахнущих пирожков, караваев и пряников, некоторые – корзинки леденцов разнообразных форм и размеров. Эх-х, да чего тут только нет! Желудок сразу потребовал попробовать увиденное, и побольше, побольше.

А меж всего этого бурного безобразия расхаживают покупатели. В основном крестьяне, но попадаются и одетые иначе – в исторических фильмах, виденных мною, примерно так

купцы и лавочники выглядели. К тому же встречаются и азиаты в халатах.

Порадовало, что рядом бесплатные общественные туалеты поставлены и денег за торговлю никто не спрашивает. Де-док, с которым мы приехали, разрешил нам расположиться на его телеге, свои мешки они перекинули на другую. Горшки с противокomarинной настойкой не торгуясь забрал встретивший нас здесь приятель деда.

Машка сразу же взобралась на облучок и начала размахивать шкурками, звонко их расхваливая. Знахарка присоединилась к ней, но уже без крика и как-то степенно. Я в торговлю не вмешивался: они лучше знают, что делать, а цены мы все заранее обговорили. Стоял тихонечко рядом, за вещами присматривал да окружающих разглядывал.

От одного просто оторопел. Бродит плюгавенький мужичонка, с ворохом белья и в женских кружевных панталонах, надетых поверх штанов. Причём панталоны какие-то странные – раздельные. Две штанины подвязаны к поясу и никак меж собой не соединены. Я даже глаза протёр. Это что, глюк? Или местный рекламный ролик в натуральную величину? Ё-моё! Дилер и промоутер в одном флаконе! А мужское бельё у него есть? Наверно, есть.

Э-э, мужик. Стоять, казбек! Покажь бельишко! Меня достало спать голышом с голой Машкой под боком и ходить без труселей. Тем более у Мишкиного тельца могут вскорости поллюции начаться, а мне потом придётся шкуры отсти-

рывать.

В результате я в обмен на шкурки сторговал кучу нижнего белья и ночнушек, и себе, и сестрёнке. Правда, мужских трусов сейчас не производят, и местные торговцы даже не знают, что это такое. Вместо них используют кальсоны – те же штаны, но из тонкой хлопковой ткани и узкие.

Торговля шла неплохо. Считаю, к полудню треть запасов мы распродали. Софа молодец, одну бутылку настойки сбаврила. И очень забавно она это сделала: поздоровалась с проходящим мужиком, поговорила как бы ни о чём, заикнулась о травках и настоях, предложила кое-что из своих средств и заодно мимоходом бобровую струю упомянула.

Товарищ заинтересовался, а затем знахарка развела бешеный пиар, я аж офигел. Она, оказывается, порядком поворожила над настойкой и усилила её целебные свойства почти до небес. Я, слушая, и то уши развесил, захотелось воскликнуть: «О безумная, не продавай эту волшебную амброзию!» Ага, такая корова нужна самому. Еле сдержался.

Мужик под жёстким прессингом не выстоял, покорно отслюнявил пятнадцать рубликов – а по нынешним временам это приличные деньги, корова десять стоит – и ушёл довольный. А ведь, похоже, Софа действительно наворожила там всякого-разного, не будет она в столь ответственных вопросах лапшу на уши вешать.

Вспомнилось, как я недавно проснулся под утро, собрался сходить по малой нужде, открываю глаза, а над нашей с

Машкой лежанкой тёмный силуэт медленно руками водит. Я едва не обос... э-э... короче, чуть все дела в постели не сделал. Ох, не дай бог ещё подобные впечатления получить. После уж выяснилось: это знахарка колдовала. Из её объяснений я понял, что она нас таким образом от всякой хрени очищала. Чтоб наши ауры, так сказать, сверкали всеми цветами радуги. Или может, прозрачными стали, как горный хрусталь. Хм... ну, я так думаю.

Деньги за настойку попыталась мне всучить. Задал простой вопрос: «Ты с нами?» Меня окинули долгим взглядом. Ха, молчание – знак согласия. Вот и прекрасно. Раз с нами, то деньги общие, и пусть остаются у старшего. Она, ничего не ответив, пошла торговать дальше.

Потом к нам подгрести какие-то бабки и разобрали полмешка Софьиных травок. Тут Машка замахала ладошкой, подзывая. Я встрепенулся. В чём дело? А, ясно. На торг прибыли две телеги с Троицкого солеваренного завода, он здесь недалеко находится. Самая дешёвая соль, однако, стоит воспользоваться случаем. Ну да, не Софе же мешки тащить, если такой костлявый качок под боком имеется. Купили пуд соли, на всю зиму должно хватить.

Придя обратно, увидел недовольную сестрёнку, что-то толкующую двум парням. Ведунья шепнула: один – мой средний брат Фёдор, второй – его приятель. Принесла нелёгкая! Разборок нам явно не хватало.

Поздоровались. Оказалось, нас с сестрой «приглашают»

отцовским зерном торговать. Ага, делать нам больше нечего! Хрен вам, ребята, по всей морде! Вежливо, но жёстко послал их подальше. А что такое? Мы отработываем моё выздоровление и кормёжку. Машку отдать? Извини, братан, один не управлюсь, болезный я, потому отец мне её в помощь и направил. Отец где? Дома остался? Тогда прощевайте.

Парни ушли злые. Братик напоследок ляпнул:

– Дома ешшо поздоровкамся. Готовься, братан.

Когда эта шантрапа свалила, малявка стала взволнованно рассказывать:

– Они как наскочут и давай требуют помогчи. Им, вишш, лень самим продават, хотют по селу гоголем походить, девок позадираат. А сами на шкурки посматриват. Ой, а тебе, Мишка, нельзя теперь домой: побьют сильно, и тятя тожж. Больно зубатил¹⁸ ты брату.

– Ну-у, отчим меня, как ломоть, отрезал, поэтому я к нему возвращаться не собираюсь. И тебе советую свыкнуться с мыслью: следующим летом уйдём мы отсюда.

Машка прикрыла рот ладошкой и испуганно распахнула глаза. Затем перевела взгляд на Софу, стоявшую рядом, и я решил ответить на немой вопрос:

– Да, Софья Марковна с нами пойдёт, чего ей тут одной куковать.

Знахарка промолчала, но взгляд потеплел. Я последнюю неделю прекрасно видел, насколько ей хочется о предстоя-

¹⁸ Зубатил – грубил (*сибирский говор*).

щем уходе поговорить. Ладно хоть не наезжает, что за неё решения принимаю. Честно говоря, мне было довольно трудно определиться, приглашать её или нет: всё же она взрослый человек, с мнением которого в дальнейшем придётся считаться. Но, оценив бесконфликтность нашего общего жития, а также сложности существования детей в этом времени и перспективы возможного дворянства, я посчитал, что знахарка как компаньон нам идеально подходит.

– Баба Софа, я так рада, так рада! Вы ж нам как родная. А куда мы пойдём? – затараторила сестрёнка. Слава богу, уход воспринимает спокойно. Потом, боюсь, обязательно задумается и о матери вспомнит. М-да-а, тяжёлое предстоит объясненьце.

– Куда пойдём, пока не знаю. Подумаем, – уточнил я. – И, Маша, отныне на людях к нашей хозяйке обращайся «тётя Софа» или «Софья Марковна». Молода она ещё.

Софа покраснела и постаралась перевести разговор на другую тему:

– Хватит болтать, торговать надо. Снедать уж скоро.

До обеда успели продать полтора мешка мехов и почти все травы. Привёзший нас дедок пригласил отобедать вместе с ними. Я успел у Машки выяснить, что деревенские зовут его Ходок, но официально к нему принято обращаться Елисей Кондратич. Любопытно. Если ходоком его называли за то же, за что и в будущем называют, становится понятным его внимание к Софе.

Компашка у них подобралась довольно весёлая, даже хму-
рый мужик, который с нами ехал, сидел и улыбался.

– Пушшай картоху горячу пожабат¹⁹. – Хозяйка стола сразу окружила нас заботой и вниманием.

С Софой они на «вы» и по имени-отчеству общаются. Мне Машка объяснила, что здесь все старожилки меж собой только так и разговаривают. Народа кроме нас собралось тринадцать человек: двое ребят и девчонка примерно нашего с сестрёнкой возраста, один паренёк лет шестнадцати, три мужика, четыре женщины и пара неугомонных дедов.

Почти все уже поели, и мужики начали травить байки об охоте. Я, запихивая в рот вкусности, внимательно прислушивался к их неторопливой беседе.

– На том годе лес-то. По косачам ходили. Их тьма была. Сидят, хоть за хвост их имай²⁰. Оне сытые, аж лететь не могут.

– Да-а... лонись²¹ досыть было. Да и сегоду рясный буде²².

– А как на Ангаре-матушке поживают?

– Осенесь²³ худо вышло. А нынше-то речь наша рыбиста²⁴.

¹⁹ Пожабат – поедят (*сибирский говор*).

²⁰ Имай – хватай (*сибирский говор*).

²¹ Лонись – в прошлом году (*сибирский говор*).

²² Да и сегоду рясный буде – Да и этот год обильный будет (*сибирский говор*).

²³ Осенесь – прошлой осенью (*сибирский говор*).

²⁴ А нынше-то речь наша рыбиста – А нынче-то река наша рыбой обильна (*сибирский говор*).

– Евон чё.

Все присутствующие – сибирские старожилы и, видать, старые знакомые. К счастью, не старообрядцы, да те с нами и не поехали бы, уж очень жёстко у них регламентировано общение с незнакомцами. Хотя, конечно, и у этих людей есть свои незыблемые традиции.

Знахарка рассказывала, попробуй какой малец не перекреститься перед едой, ложкой по лбу с ходу получит, а чтоб местный взрослый не перекрестился – она даже представить себе такое не может. Тут простые люди крестятся везде, всегда и по любому поводу. Крестят себя, других, рот, живот, больные места, еду, дома, деревья, воду. Как там Софа говорила: посыл отдают. Это ж рефлекс, и движение отработано до автоматизма.

Где-то читал, в русско-турецких войнах разведчиков-турок зачастую вычисляли именно по отсутствию автоматизма. Вроде и крестится человек, но как-то не так, и опытного взгляду русского солдата это сразу бросалось в глаза. Я сестрёнку и знахарку попросил обязательно поправлять меня, когда заметят неувязки в моём поведении. Не надо мне пока выделяться.

Из разговоров понял, что один мужик откуда-то с Ангары приехал. Интересно, зачем? Напрямки сюда не добратся, ну, если только пёхом сквозь тайгу, но получится тяжело и долго. Вкругаля тоже замаешься на телегах ползти. Видимо, человек не просто в гости выбрался, а по серьёзному де-

ду прибыл.

– Не поморгуйте²⁵ шаньгой. – Это уже ко мне обращались. Молодая девчонка протягивала мне здоровую ватрушку с творогом.

Поблагодарил от души, но, поскольку почти наелся, половину отдал Машке. Мм, а вкуснюшка-то какая оказалась, а-аба-алдеть! Стрескал свою половину и с сожалением посмотрел, как сестрёнка доедает свою. Краем уха услышал, что дед Ходок любопытствует, где мы шкурку бобра взяли. Софа, как и договаривались, свалила всё на заезжих охотников: мол, с собой принесли и расплатились за зимний постой.

К нам с Машкой подсел парнишка, наш ровесник. Стали знакомиться. Зовут Федот, приехал с отцом из деревни Абанской, впрочем, и вся встреченная здесь компания оттуда же. Я старался по возможности поддерживать разговор, украдкой поглядывая на сестрёнку: вдруг глупость сморожу. Но кажется, пронесло, да и она помогала – тараторила за двоих. Выяснили, с какой целью мужик с Ангары в такую даль забрался – за невестой приехал.

Во у них жениховские туры! Он бы ещё в Подмоскowie скатался. Неужели в соседних сёлах никого не нашёл? А-а, это они прошлой весной случайно в Канске познакомились. Один рыбу доставлял, другая зерном торговала. В церкви встретились, стояли рядом, так что это, считай, любовь с первого взгляда. Шустрый товарищ, за пару дней и девчон-

²⁵ Не поморгуйте – не побрезгуйте (*сибирский говор*).

ку успел окрутить, и с роднёй её договорился. Через год приехал, выдержала любовь проверку временем. В общем-то необычно для здешнего крестьянства. Местные стараются создавать семью с теми, кого давно знают. Смотрят, здоров ли человек, как работает, как ест, каков у него характер, и, исходя из этого, подбирают кандидатуру.

Немного послушали разговоры и пошли с сестрёнкой продавать остатки. Софа в процессе дальнейшей торговли сбавила ещё одну бутылку настойки. Покупал невысокий, почти лысый мужичок, в красивой атласной жилетке, которая еле сходилась на его огромном пузе. Торговался он долго. Настойку и нюхал, и даже пробовал, но всё же уступил знахаркиному давлению. И ведь тоже, жучила, не забыл поинтересоваться, где бобра добыли. После этого знахарка объявила, что больше здесь такую дорогую вещь продавать некому, и мы, оставив Машку с оставшимся на продажу, пошли закупать вещи на зиму.

Набрали ворох одежды и обуви, особенно зимней, нашей хозяйке в том числе. Она сначала покочевряжилась, но я опять задал простой вопрос: она с нами? Ничего не ответив, стала выбирать шмотки. Замечательно! Далее мы купили кое-что из посуды, а также кирку и деревянную лопату с окованным железом краем полотна. Хотел лоток для промывки золота взять, но Софа отговорила: слишком приметно.

В результате взял я у кузнеца набор инструментов для об-

работки дерева, наконечники для стрел и четыре хороших ножа – пару охотничьих и пару на переделку, сделаю из них ножи для метания. Теперь серьёзно займёмся тренировками с ними, а то на фазенде у нас не нож, а ковырялка в зубах. Потом я увидел в продаже толстую кожу и приобрёл несколько кусков. На подошвы идеально подойдёт, ремонтировать обувь зимой обязательно придётся. О-ох ё-моё, привезли мы четыре мешка, а увозим пять. А грузчик и носильщик кто? Правильно, я.

Надеялся решить ещё одну проблему: собака нам требуется. Но что-то не срослось. В той жизни я привык обходиться без четвероногих помощников. Ну зачем они мне там нужны были? Я же постоянно в разъездах, а охотиться мне и с одним ружьишком хорошо. Но когда живёшь в лесу, собака необходима. Это ж три прекрасных локатора – уши и нос, которые на порядок превосходят несовершенные человеческие органы слуха и обоняния. С ними неожиданностей в лесу почти не бывает.

Жаль, продают тут сейчас только щенков, а они нам не подходят. Как там дальше всё сложится, пока неизвестно, а зима может быть тяжёлой. Стало быть, нашему, в основном малолетнему, коллективу требуется уже более-менее взрослый пёс, знакомый с тайгой.

Софа говорила, бывает, и таких выставляют на продажу, но редко. Домашних охранников, понятно, продавать никто не станет, их к одному хозяину приучают, а вот натасканных

на охоту могут. Естественно, опытного пса не продадут, но некоторые занимаются воспитанием молодых и в годовалом возрасте отдают. Нам бы такой вариант очень подошёл, но, к сожалению, ни в соседних с нами деревнях, ни на торгу мы себе пса не нашли.

С опушки леса раздались выстрелы. Все сначала встрепнулись, но выстрелы раздавались равномерно и довольно долго, а народ, стоящий там, не выказывал признаков беспокойства. Я заинтересовался, как-никак первый револьвер в этом времени (так часто лишь из него палить могут). Ранее здесь два ружья продающихся видел, огромные и тяжеленные дуры. Мне показалось, приделай к ним колёса – и получатся пушки. Впрочем, такое впечатление могло возникнуть потому, что сам я маловат. Там один детина их разглядывал, так с ним они соизмеримо смотрелись.

Оставил девчонок с вещами у телеги и отправился посмотреть. Оказалось, какой-то купец револьвер продаёт, и тут проводятся его испытания. Опробовал оружие смутно знакомый мне мужик, по виду явно не деревенский. О, да он у нас утром бобровую настойку покупал. Точно!

И тут я увидел оружие. В душе поднялась волна тепла, трепета и ещё чего-то необычного. Опа, пришёл привет из прошлого-будущего. Во меня накрыло-то! Никогда не считал себя оружейным фанатиком, и на тебе! Хотя если взглянуть на мою прошлую жизнь, то, можно сказать, это её ча-

стичка. Я за неделю (а бывало, и за день) как минимум пару сотен патронов сжигал; а сколько раз заходил в оружейку, просто чтоб взять пистолет или ружьё в руки, полюбоваться ими, разобрать и смазать. Тогда это казалось нормальным и обыденным. Живёшь так, живёшь, ничего не замечаешь, а вырвешься из привычного окружения, и наступает озарение. Да, Саша, маньячок ты.

Я протиснулся через наблюдавшую за стрельбой ребятню. Блин, чувствую себя влюблённым юнцом на первом свидании. Спокойствие, маньячишко, только спокойствие. Разглядеть нелегко, но, кажется, в руках купца английский Adams. Для данного времени новьё. Был у меня такой раритет дома, я даже стрелял из него. Так себе машинка.

Где купец его достал? Ведь в свободную продажу они в первые годы не поступали, а тут в глуши, в Сибири. Правда, могу и ошибаться. Ох-х, а дыму-то! Замаешься после местного пороха оружие чистить. М-дя, пора бездымный порох «изобретать».

Подошедший к стрелку купец лучился довольством.

– Так как, Михаил Валерьянович, удовлетворил-с вашу душу сей пистоль-с?

– Да, дорогой Степан Варфоломеевич, угодили вы мне, сударь. Несказанно угодили. Не ожидал, знаете ли, от аглицких оружейников такого. Не ожидал. Ладный пистоль вышел. Беру.

– Хорошо-с, хорошо-с. – Купец потер ладонь о ладонь. –

А «смит-вессон» вы уж в Красноярске в лавке посмотрите-с.
– Да-да, зимой непременно буду.

Эх-х, револьверчик бы мне прикупить. Но всё же пока лучше не стоит. Во всяком случае, не здесь: слишком много глаз, запомнят. Не нужно нам светиться раньше времени. В Канск поедем, там Софа в магазине купит, вот и наиграемся. А мужичка-покупателя желательно запомнить: тоже, видать, любитель оружия, может, встретимся как-нибудь. И не помешает Софу о нём порасспросить.

У телеги застал Машку, болтающую с Пелагеей – девчонкой, что за обедом угощала нас ватрушкой с творогом. Рассказал им о стрельбе, одарил купленными по дороге леденцами. Один вообще-то себе брал, но для порадовавшего нас такой вкусной шаньгой человека не жалко. Девчонки, похоже, уже подружились и собираются перед отъездом пойти искупаться в местной речке. Предложили и мне присоединиться.

Мысленно почесал затылок. Интересно, как они себе это представляют? Не, ну Машка со мной голышом без стеснения купается. А эта девица? Она ж моего возраста. Я что, в штанах в воду лезть должен?

Моё недоумение, наверно, отразилось на лице: девчонки стали хихикать в кулачки. Выяснилось, что выше по течению реки есть мысок, и местные используют его в качестве общественной купальни, только мальчики – налево, девочки – направо. Каждый купается на своей стороне мыса, а по цен-

тру деды да бабки сидят надзирают. Решил пойти, жарко всё же, Софа за вещами присмотрит.

Водичке было далеко до парной, но терпеть можно, и я, долго не раздумывая, скинул с себя всё и ринулся в реку. Местечко неглубокое, я с удовольствием поплавал-понырял.

Когда вылез, увидел братца с приятелем, и, что неприятно, уселись эти поганцы с довольными рожами около моей одежды. Чёрт! Как бы чего не спёрли или иную пакость не устроили. Оглядел берег – взрослых всего двое, и те уходить собираются. Надо поспешить, не хватало ещё разбираться со всякими придурками без присутствия старших. Я бодрой трусцой ринулся к одежде.

– Побёг, как укушенный.

– Дак можа яму рак вислы пощупал. Ха-ха!

– Не отхватил ли чё? Хозяйство шибко маленько.

Вот загадка природы: козлы, а ржут, как кони. Рубаху не вырывай, а то мерином станешь. Приятель брата попробовал сделать подсечку, но я отскочил.

– Глядь-ко, Фёдор, не уважат тя братко-то.

– Этко он по мордасам давно не получал.

– Ты драться собрался? – постарался я прояснить обстановку.

Братец с явным неудовольствием посмотрел в сторону до сих пор не ушедших мужиков и сплюнул:

– Да больно надат дерьмо месить.

– Тогда прощевай.

И я, не надевая мокасин, скорым шагом двинулся на торг. Вот гады! Чуть не вляпался. Поздравляю, Саша, ты обзавёлся первыми врагами в этом времени. Теперь нужно всегда быть начеку. Не успокоятся они, пока тебя не отметелят. Ребята здоровые, можешь и не отмахаться.

Несомненно, ты ждал конфликта с отчим домом, но действительность превзошла твои самые смелые ожидания. И это ты ещё отца не видел. Что там предстоит узреть, у-у... Плохо чувствовать себя маленьким и слабеньким. На тренировках пора начинать отработку ударов, и не помешает вспомнить работу с палкой.

Я их научу уважать младших!

Массовка у села уже наполовину разбежалась, и наша компания начала собираться в дорогу. К нам в телегу подкинули пару мешков непонятно чего, на ощупь куча железяк. Мы со всеми тепло попрощались и двинулись домой. Хорошие люди нам здесь встретились. Кое-кто не забыл меня по заливку потрепать: мол, держись, пацан, атаманом будешь. Честно говоря, я рад появлению таких знакомых.

А если говорить о торге в целом, то в познавательных целях местный сходняк, конечно, интересен. Он даже в какой-то мере меня развлёк, но всё же не впечатлил. По телеку подобные сцены гораздо лучше смотрелись, и запах там отсутствовал. А количество народа... В Питере, помнится, иногда, чтоб в метро войти, больше собиралось.

Зато сестрёнка была полна впечатлений, всю дорогу вполголоса рассказывала мне об увиденном и подремать на обратном пути так и не дала. К тому же лежать стало неудобно: мягкое почти всё продали, а мешки с купленной одеждой Машка прихватизировала себе под попу. Приходилось валяться на голых досках, а дорога-то – сплошные колдобины, и рессор у телеги нет.

За монотонным бубнежом сеструхи чуть не упустил любопытные подробности: оказывается, мной заинтересовалась Пелагея, всё расспрашивала Машку, где мы живём да как с нами повидаться можно. Ага, вот, значит, почему мне глазки строились. А я всё не мог понять, что с ней творится, как-то отвык в свои «за полста» от детского заигрывания. Да и вообще, не ассоциируется у меня её возраст с сексуальным общением, ей хотя бы лет пять прибавить.

Видел я на торгу парочку сибирячек. Эх-х, кровь с молоком! И бюст, и личико, и фигурка просто загляденье. Много за свою жизнь повидал, но тут и в моей душе кое-что зашевелилось. Но стоит признать, и у Пелагеи есть все шансы стать такой же сексуальной бомбочкой, когда повзрослеет. Мордашка у неё симпатичная, да и сзади она...

Э-э... куда-то не туда мысли понеслись. Не удивлюсь, если вскорости с Мишкиным тельцем возникнет ещё одна проблема – сексуальная.

Глава 5

Приехали в деревню почти в потёмках. Дед Ходок пригласил на паужину – у них так поздний ужин называют. Поели. После соседи стали подходить. Народа в избу набилось изрядно, и пошло обсуждение цен, новостей и впечатлений, а нас, малышню, выпинали за порог. Вот гадство! Теперь, наверно, придётся с Мишкиными сверстниками общаться. О чём с ними говорить, даже не представляю, лучше б я в избе где-нибудь в уголке тихонечко посидел.

И точно. Во, стоят. «Они стояли молча в ряд, их было восемь!»²⁶ Пятеро мальчишек и три девчонки, лет от десяти до пятнадцати. А Машка среди них как рыба в воде, всех знает и быстро нас перезнакомила. Посыпались вопросы о поездке, и мне пришлось вживаться в роль сильно тормознутаго эстонца: да-а-а, то-орго-о-вля-я бы-ыла-а о-оче-ень хоро-оша-а. Вслед за каждой такой фразой сестрёнка вставляла с десяток своих. Постепенно всё внимание на неё и переключилось, а я с рожей Чингачгука лишь выступал гарантом правдивости повествования. Стоило Машуле прерваться и посмотреть на меня, я тут же делал величественный кивок, подтверждая сказанное.

За полчаса такого времяпрепровождения чуть не умер от

²⁶ Слова из песни Владимира Высоцкого «Тот, кто раньше с нею был».

скуки. Слава богу, Софа меня спасла – отправила вещи в сарай переносить. А малая всё это время так и продолжала трещать без остановки, успевая отвечать на несколько вопросов одновременно.

За мелкими хлопотами и ночь наступила. Заночевали у Ходока: знахарка в доме, мы в сарае. Эх-х, давненько я на сене не валялся! Уснул моментально, всё же насыщенный на впечатления денёк выдался. Жаль, подъём рано.

«Утро красит нежным светом»²⁷. Ну спасибо, хоть до света поспать дали. Я, как всегда, последний встаю.

Уходили сразу после обильного завтрака. Душевно попрощались с дедом Ходоким и его женой, бабой Вожей. Чудесная бабулька, недолго выпало с ней общаться, но успел полюбить. Она будто тепло и свет излучает, хочется рядом посидеть, погреться. Ладно, ещё увидимся. Меня к обеду ждут, перетащить-то кучу вещей требуется.

Ну, мешок с зерном на загривок – и пошёл. Машка козу ведёт, Софа пару корзинок несёт, солнышко припекает. Лепота!

Дома подсчитали наш денежный улов, вчера не до того было. В общей сложности оказалось сто двадцать три рубля шестьдесят шесть копеек. Весьма приличные деньги для этой глуши. Добротный большой дом в местном городке рублей пятьсот-шестьсот стоит, а маленький – всего пятьдесят.

²⁷ Слова из песни «Москва майская», автор В. Лебедев-Кумач.

Крестьянская лошадь – пятнадцать, корова – десять. Так что мы теперь богатенькие буратинки, при этом в заначке у нас ещё и два бутылка бобровой настойки имеется, а они тоже немалых денег стоят.

Знахарка, глядя на лежащую на столе кучку бумажек и мелочи, впала в растерянность. Ничего, пускай привыкает, вон Машка без всякого почтения в них ковыряется и картинки рассматривает. О, мысль пришла! Знаю теперь, как сестрёнку алфавиту и счёту учить будем – по этим вот бумаженциям. Только основную массу макулатуры надо бы в тайничок на тополе спрятать, от греха подальше.

Тут наша старшая встрепенулась, сходила к сундуку, покопалась в нём и вернулась за стол с тоненькой пачкой купюр и мешочком серебряных монет. Положила их возле общей кучи, села и смотрит этак гордо-вызывающе – показывает, что она с нами. Молодец! Я ей подмигнул и улыбнулся. Маска снежной королевы сразу же растаяла, и на её лице засияла довольная улыбка. Что ж, отныне мы – команда. Трепещи, мир, МЫ ИДЁ-ЁМ... Хм, что-то меня понесло, эйфория – страшная сила.

Остальное наше барахло еле удалось за два дня перетащить. Ох и задолбался же я! Однако крепкое тело у Мишки. Другие бы к вечеру пластом лежали, всё же приходилось семь вёрст пройти, то с мешком, то без, и так много раз, с утра и до вечера, а я держусь. Хотя чего столь рьяно за доставку взялся, сам не пойму, мог спокойно всего пару ходок

в день делать и за неделю управился бы. Да-а уж. Подвигал попой, мозги отдохнули.

На второй день чуть не получил рогом в задницу, больно уж расслабился. Тропинка на хутор Софы местами через чащобу идёт, поэтому лося я увидел лишь в последний момент и вместе с мешком сиганул в кусты. Мешок, кстати, лося на рога упал и дал мне время вскарабкаться на дерево без последствий для пятой точки и штанов. И только сверху я разглядел, что напал на меня, по сути, не особо крупный лосёнок. Впрочем, Мишкиному организму вполне хватило бы удара и таких рогов. Сделал себе зарубку на память: в лесу не расслабляйся, сто раз пройдёшь тихо-мирно, а на сто первый наткнёшься на медведя или на братца с дубиной.

А дома со мной в конфликт вступили ещё одни рога: коза, видишь ли, восприняла меня как самое низшее существо в нашей общине. Решила, что может помыкать моей персоне – выгонять из сарая, когда вздумается, бодать, просто проходя мимо. Я, пока вещи переносил, отмахивался от неё, словно от надоедливой мухи. А утром третьего дня встал поздненько, выполз на свет белый, лениво потянулся, ну и получил нехилый удар по спине. Ни фига се, думаю, чашечка кофе с утречка.

Прокатившись по земле, проснулся окончательно. Вскрываю, готов жизнь подороже продать, а нападающих нет. Нигде нет! Стоит коза напротив, башкой трясёт и сверлит меня сердитым взглядом. Не понял! Мне это рогатое недо-

разумение плюху отвесило? А как?! Я ж до сих пор чувствую удар меж лопаток. Прикинул, где стоял, как пришёлся удар. Ё-ё... да она с крыши землянки сиганула! Охренеть!!! Прыгнуть метра на три и точно башкой попасть. Вот ведь... козлень.

Похоже, эта зараза опять атаковать собралась. Ну-ну, давай. Иди сюда. Щас я из тебя козла отпущения сделаю. Подлетающую козу встретил пяткой в лоб. Хорошо пробил, аж нога онемела. Что, родная, мало? Схватил за рог, подтянул к лицу: «В глаза смотреть! Ты – местный таракан, а я – твой хозяин». Не понравилось, продолжила бодание. На тебе добавку! Со всей злости и дури приложил кулаком меж рогов. Чёрт! Так и руку сломать можно.

Коза, потряхивая головой, неуверенно побрела к землянке. Надеюсь, конфликт исчерпан.

– Навоевался?

Софа подошла незаметно. Я махнул отбитой рукой, слов просто не было.

– Ты бы ей лучше морковки дал, друзьями бы стали. Она подачку два дня выпрашивала, а ты её кулаками.

Да уж, выпрашивала, рогом в бочину. Постепенно адреналин в крови сходил на нет. Постарался припомнить подробности нашего с козой общения. А ведь действительно могла она вкусненькое выпрашивать. По-своему, по-козлиному.

– Да кто ж так просит? Надо морду тянуть, а не рогами тыкать.

– Ты же на неё как на вещь неодушевлённую смотрел, вот она и объясняла, что живая.

Ага, как на безразмерный пакет молока я на неё смотрел.

– А сегодня-то с утра что за припарка после сна? Вся спина болит.

Знахарка смеётся и пальцем на солнце показывает:

– Где утро, и где ты.

Э-хе-хе, значит, меня распорядку дня учили. У-у-у, только надзирателя-трудоголика в виде козы нашей компашке и не хватало.

– Давай я спину и руку посмотрю, горе-воин.

– И на ногу тоже... взгляни.

Осмотр серьёзных повреждений не выявил. На спине, правда, огромный синячище, рука припухла, но жить буду.

Проведя утренние процедуры, по совету Софы взял пять морковок и пошёл мировую подписывать. Нужно вовремя признавать свои ошибки. Нашёл Ферю (так козу зовут) за сараем. Спокойненько травку щиплет и с опаской косит лиловым глазом. Я присел рядом и завёл душевный разговор под бут... э-э... под морковку.

Сначала норов демонстрировала: ничего брать не хотела, всё бороду воротила. Тогда я сам смачно захрустел подношением. Такого издевательства её душа выдержать уже не смогла. Расстались нормально – не друзья, но и не враги.

На следующий день к нам на хутор заглянул сын Ходока

Парамон – угрюмый мужик, ездивший с нами в Устьянское. В поездке наша старшая смогла договориться о помощи в строительстве сарая. За полдня мы с ним доложили стены, покрыли тёплую часть толстыми брёвнышками в один накат и приготовили жерди для крыши.

Ну, с этим я и сам справлюсь, работа ответственная, но не тяжёлая. Каждую жердину и каждый кусок бересты необходимо тщательно закрепить, иначе ветер, снег и дождь быстро сделают из крыши решето. Тут же Софа с Машулей принялись просушенным мхом щели в стенах конопатить: сквозняки нам ни к чему. Потом я их для надёжности ещё и глиной промажу.

За хлопотами пролетело полтора месяца моей жизни в этом мире. День пятнадцатое сентября оказался пятницей. По сути, рабочий день, но я решил устроить нам выходной, уж больно мы с Машкой вымотались. Опять наварил вкусностей, пожарил шашлычок, даже морс сварил. Попытался сделать из глины бокалы для застолья, но в результате их обжига постоянно получались какие-то абстрактные фигурки в стиле раннего Пикассо. Или глина не совсем та, или я неправильно обжигал. С кирпичами всё же проще было. Обидно, отличный замысел пропал. Но девчонки и так рады.

Через три дня, закончив крышу сарая, взялся за разбирательство с золотишком. Надо успеть осмотреть Волчий ручей до холодов, а то, когда снег падать начнёт, в воде уже особо не побрызгаешься. Спилил приглянувшуюся сосну но-

вой пилой – ох класс, приятно хороший инструмент в руках держать. Выпилил чурбачок нужных размеров, расколол его надвое и принялся выстругивать лоток для промывки золота, как учили. День мороки – и средство повышения нашего благосостояния готово. Что ж, завтра начнём разведку, пора вспоминать подзабытые навыки.

В студенческие годы у многих пацанов и девчонок в нашем институте любимым летним времяпрепровождением была работа в стройотряде. Основная причина – деньги, их студентам вечно не хватает, да и весело там. Тугрики, полученные за ударный физический труд, являлись отличным финансовым подспорьем почти весь учебный год. Если сильно не шиковать, то хватало и на одежду, и на развлечения. Я не стал исключением, жить на одну стипендию тяжело, а тянуть лишнее с родителей не хотелось, они и так чуть ли не каждый месяц посылки с провизией присылали.

Поэтому стройотрядовскому движению я отдался всей душой и с превеликим удовольствием. Три жарких лета стройки Страны Советов лицезрели мою взмокшую от пота спину, три гитары загублены мною тёплыми летними вечерами. Я жил и радовался жизни. Кто через это проходил, тот меня поймёт. Эх-х, молодость, время беззаботное! М-да-а...

Но после четвёртого курса мне приспичило испытать что-нибудь новенькое, и рванул я с геологической партией в Сибирь, «за туманом и за запахом тайги». Видно, сказались рассочные рассказы отца, опытного геолога. Как же, дрему-

чая тайга, горы. Ёлы-палы, романтика и настоящая мужская работа в одном флаконе.

Честно говоря, нелегко пришлось, особенно вначале, но зато многому научился и в дальнейшем никогда об этой прогулке по бездорожью не жалел. Думаю, не будь её, я и с ювелирным бизнесом не связался бы.

Четыре дня с утра до вечера я ковырялся в ручье безрезультатно. Прошёл примерно километров двадцать: начал издалека и поднялся почти к самой бобровой запруде. Попадалась всякая фигня, мелкие полудрагоценные камушки, а золото – нет. Осталось пошарить у запруды, там к Волчьему какой-то другой ручеек присоединяется. Ну а если уж и в тех местах пусто, то забрасываем это грязное дело до весны.

На пятый день, пообедав, отправился на осмотр, и тут, наконец, повезло: на последнем перекате попались первые крупницы золота. Отлично, завтра займёмся шурфовкой.

Всю ночь проворочался, периодически просыпаясь, а утром вскочил вместе с Софой и, наскоро перекусив, рванул к ручью. Так спешил до него добраться, что чуть лопату на хуторе не забыл. Вприпрыжку примчался на отмеченное вчера место и, поплевав на руки, взялся копать первый шурф. Приближается момент истины.

Вообще-то, шурфовка – дело нудное и долгое: выкапываешь ровную глубокую яму, так называемый шурф, и периодически, слой за слоем, промываешь добываемую в ней зем-

лю. Таким образом довольно быстро можно оценить, есть ли у тебя под ногами россыпное золото, сколько его и на какой глубине оно залегает. Выкопал одну яму, пошёл копать другую, потом третью, четвёртую, и так, пока не определишь точное месторасположение россыпи.

Мне повезло, уже с пятого шурфа стало ясно, откуда в Волчьем ручье золотишко появилось. Небольшая лощина, по которой весело бежал маленький ручеёк, скрывала от людских глаз очень даже симпатичную золотую россыпь. Шлих в ней довольно крупный, и его много. Это радует. Следующим летом у меня будет чем заняться, если, конечно, всё удачно сложится.

Пройдя вдоль лощины и ручейка, по ней протекающего, я понял, что это, по сути, тот же Волчий ручей, просто из-за бобровой запруды и затопления окрестной территории он нашёл себе ещё одно русло. Сейчас напор воды здесь слабый, но, думаю, весной после паводка обязательно усилится.

Весь оставшийся день я продолжал копать шурфы и промывал землю, приплясывая с лотком. Золотая лихорадка овладела моим сознанием. Вечером пришла Машка и увела на ужин.

На сообщение о моей находке Софа отреагировала спокойно. Глядя на щепоть добытого за день, она, задумчиво покачав головой, сказала:

– Да-а, золото веско²⁸, а кверху тянет. – И, посмотрев мне

²⁸ Веско – тяжело.

в глаза, добавила: – Но может и всю жизнь отравить.

– Для нас, – я постарался выделить «нас», – оно не кумир, а средство осуществления наших замыслов.

– Дай-то бог, дай-то бог.

– Софья Марковна, что за пессимизм?

Она махнула рукой:

– Да жила себе потихоньку и уже боюсь, когда всё слишком хорошо.

– То ли ещё будет! – ухмыльнулся я. – Вам надо вспомнить наставления для благородных девиц.

– Это зачем же?

– Машку зимой учить станем. Общими усилиями сделаем из неё человека. – Я подмигнул оторопевшей сестрѐнке. – Меня тоже кое в чём подтянете.

Женщины, кажется, потеряли дар речи, сидят глазами хлопают.

– Да я помню почти всё. Разве что языки подзабылись.

– А каким языкам обучались?

– Немецкому, хфранцузскому, итальянскому, ну и по-аглицки немного могу.

В этот момент настала моя очередь офигевать. Ай да тѐтя Софа, ай да... Ну самородок золотой, а не человек!

– Ого, вас так в школе гувернанток обучали?

– Там не школа была, да и обучали лишь хфранцузскому. Потом уж я вместе с несчастной Натальюшкой остальное изучила.

– Сами?!

– Да нет, репетиторы Натальюшку обучали, а я рядом сидела. После мы с ней целыми днями на изучаемом языке разговаривали, так и освоила.

Всё интереснее и интереснее! Знахарка-то, оказывается, полиглот. Я вот только английский к окончанию института осилил и немецкий самостоятельно изучал, ну а по-итальянски и по-французски всего несколько слов и фраз знаю. Да песни кое-какие, но уже без перевода, я их на слух запомнил. Ха, теперь непременно выучу «хфранцузский».

Тут и сестрёнка очнулась и выдала:

– А я тоже по-аглицки говорить хочу. Тётя Софа, я стараться буду! Очень-очень!

При этом мордочку такую уморительную скорчила, что мы со знахаркой не смогли удержаться и рассмеялись. Машка сначала удивлённо на нас глядела, а затем и сама присоединилась. Ох, давно ж я так не веселился.

К увеличению золотого запаса нашей компашки я решил подойти обстоятельно. Первым делом соорудил шлюз-проходнушку для промывки золота, ведь одним лотком много не намоешь. Заморачиваться особо не стал: некогда, зима на носу, да и материалов кот наплакал. Поэтому просто выкопал неглубокую канаву длиной метров десять, рядом с мелким ручейком, текущим по ложине. Дно её выложил корой лиственницы, содранной крупными кусками, а часть ещё и

мешковиной покрыл. Конечно, с промышленным шлюзом глубокого наполнения моё сооружение не сравнить, да только нам сейчас привередничать не с руки. Главное, пустив воду по канаве, можно работать.

Вот с обеда мы с сестрёнкой и взялись за это мокрое, грязное дело. Сняли на выбранном участке кусок дёрна, и пошёл я лопатой махать. Эх, понеслась душа в рай! Бери, Саша, больше, кидай дальше, отдыхай, пока летит. Всего полметра пустого грунта, зато следом почти метр нашего будущего благосостояния.

Сестрёнка быстро освоила нехитрый процесс разгребания и разравнивания деревянным гребнем песков в проточной воде. Достаточно было один раз показать, как надо делать, и она заработала не хуже бетономешалки. Я потом до вечера не мог оттащить её от проходнушки. Ой да ладно, не больно-то мне и хотелось в воде брызгаться. Лучше лопатой поработаю, вон она у меня нынче какая замечательная. Кончик железом обит – прогресс, однако. Радуется, что хоть ноги не мочим, простуда осенью – дело скорое.

К ужину намыли приличную жменьку золотого песка. На мой взгляд, не менее двадцати пяти грамм, точнее пока не определить. Считай, за день будет грамм пятьдесят-шестьдесят, для пацана и маленькой девчонки очень хороший результат. И это, заметьте, почти без оборудования.

Так и потекли у нас деньки: Софа на хозяйстве, мы с Ма-

шулей до обеда промывкой занимаемся, затем собираем всё, что удалось наловить в мутной водичке, и несём домой сушить. После обеда я охочусь, а сестрёнка перебирает просушенный улов – отделяет крупинки благородного металла от чёрного шлиха. Взались изучать немецкий разговорный язык, слова заучиваем. Сестрёнка усваивает материал с поразительной скоростью. К сожалению, письменностью нам до холодов из-за золотой лихорадки не заняться. Ничего, снег выпадет – наверстаем упущенное.

Обсудили необходимое на зиму и поняли, что в Канске предстоит не только продавать, но и покупать. Во-первых, в связи с найденным золотом требуется приобрести ещё инструменты: единственного кайла надолго не хватит, а без железной лопаты копать песок с глиной и мелкой галькой – морока страшная. Во-вторых, я переоценил свои способности в качестве портного и сапожника. Вследствие этого нам всё же удобнее прикупить на зиму побольше готовой одежды и обуви, причём хорошие сапоги обязательно каждому. Денег у нас хватает. Чего выёживаться?

А высвободившееся время пустим на хозяйственные нужды, вон двери в сарай до сих пор не сделаны. Опять же, револьвер я надумал взять: когда рядом золото, необходимо иметь под рукой приличное оружие.

Дед Ходок собирается в Канск шестого октября и приглашает Софу в попутчицы. Что ж, осталось шесть дней, успеем подготовиться.

Прикидывая и так и этак, пришли к выводу: кому-то надлежит остаться следить за хозяйством, и это, по-видимому, будет Машка. Нет смысла ехать знахарке без меня или мне без неё. Однако и сестрёнку одну оставлять тоже не хочется, мало ли что в жизни может случиться. Софа собралась поговорить с дедом Ходоком: возможно, в их деревне найдётся человек, который согласится пожить с Машулей во время нашей поездки в Канск. Тут это считается нормальным. Как и ожидалось, нам не отказали, за хозяйством присмотрит баба Вожа.

Долго обдумывали, есть ли смысл продавать золото сейчас, и решили не рисковать: не зная скупщиков, да, по сути, вообще слабо разбираясь в этом вопросе, лишь засветились бы. Даже хорошим знакомым о найденной россыпи не стоит говорить. Ну его на фиг, от греха подальше. И так-то у нас обязательно поинтересуются, на кой чёрт столько инструментов на хутор тащим. Не помешало бы заранее правдивую отмазку придумать. На всякий случай.

Узнай хоть кто-нибудь про наши ковыряния в земле, и хана придёт всем радужным планам. Сюда заявится толпа желающих «помочь» и сразу же оттеснит нас от лакомой кормушки, а заодно и бобров по ходу дела с радостью оприходует. Самые ушлые, наверно, смогут и участок на себя зарегистрировать, тогда останется только ручкой золотишку помахать. Да и проблемы с роднёй или с теми же работничками ножа и топора с большой дороги нам зачем? Не-е, тако-

го «счастья» нашей компании не надо. Лучше уж потихонечку прислушиваться к тому, что о скупке россыпного золота другие говорят. Глядишь, дельное что услышим.

Жила, обнаруженная на Волчьем ручье, для меня – второй денежный подарок в этом мире. Первым были Мишкины запасы – бобровая струя и шкурки. Можно сказать, везуха. Не знаю, не знаю, доля везения тут, конечно, есть, но... сидел бы я на попе ровно, а не рыскал по ручью, второго подарка судьба мне не дала бы. В той жизни, помню, так же дело обстояло: ни разу ни в лотерею, ни в казино не выиграл. Слава богу, быстро это понял и больше не играл. А вот когда начинал выискивать новое – рыл, копал, рисковал с умом, – удача не заставляла себя ждать.

И ещё один момент я за ту жизнь крепко-накрепко уяснил: если улыбнулась удача, то это лишь часть везения, а вторая – как ты распорядишься приплывшим в руки. Можешь неумными действиями свести всё к нулю, можешь взять малую часть от того, что к тебе идёт, а можешь из слабенького огонька удачи раздуть отличный костерок и «сварить» на нём хорошую «кашку», которой, вполне вероятно, всю оставшуюся жизнь кормиться будешь.

В воскресенье, пока мы с Машкой собирали клюкву, на фазенду заявился братец Фёдор с приятелем, и искали они нас. Софа умница, сказала, мы с охотниками ушли, и когда вернёмся, не знает. Чего хотели, не объяснили, при этом ве-

ли себя невежливо. Эти молодые козлы попытались даже во все комнаты сарая без спроса заглянуть. Хозяйка, разозлившись, выгнала их вон, и правильно сделала.

Тут и коза очень вовремя свой норов показала, изобразила коронный номер – полёт «шмеля» рогами в спину. Придала, так сказать, дополнительное ускорение к дому. Ребята впечатлились: один – от удара, другой – увидя прыжок. Знахарка, вспоминая, как они драпали, давилась со смеху. Да уж, представляю рожи этих олухов. Наверно, подумали, Софа животинку натравила. Вот порадовала Феря! Придётся ей премиальную морковку выдать за доблестную службу.

Может, и хорошо, что нас не было, иначе, боюсь, эта встреча без мордобития не обошлась бы. Я прекрасно понимаю, зачем они приходили. Не простил мне братец словесную отповедь на торгу в Устьянском, ох не простил. Подошёл бы он тогда один – ещё ладно, а так, получается, его на виду у приятеля отшили – урон имиджу, однако.

Поэтому, видать, и сюда притащились оба: собирается брательник непокорного сосунка при свидетелях проучить. Теперь точно не успокоится, выследит. Деревенские ребята такие. Упорные. А нам это сейчас совсем не в кайф. Они ведь обязательно до бобровой запруды и нашего прииска доберутся. Чёрт! Как же не допустить столь скверного развития событий?

Так, нынче у них по хозяйству работы много, будут шастать по выходным. Потом дожди пойдут, вряд ли сунутся.

Ага, а с первыми заморозками опять появятся. Значит, в воскресенье мне следует ходить по лесу одному и обязательно с палкой. Без неё отбиться от двух крепышей у меня шансов нет, а резать этих дурней совершенно не хочется. Кстати, палку пора новую выстрогать, подлиннее и потяжелее, а то старая уже легковата. Не помешает также вспомнить и отработать элементы работы с шестом. Что ж, с завтрашнего дня этим и займёмся.

Пятого, ближе к вечеру, пришла баба Вожа, сдали ей с рук на руки надутую Машку и ушли. Сеструха, видите ли, в последний момент посчитала, что бабуля и без неё с хозяйством справится, вот знахарка перед уходом и высказала малой пару ласковых. Совсем мелочь распоясалась! Вернёмся из Канска, я устрою ей разбор полётов, чтобы в дальнейшем такого не повторялось.

В деревню пришли к ужину и, поев, завалились спать: вставать-то рано. Утром отправились на трёх телегах, всё в той же тёплой компании, с кем ездили в Устьянское, плюс два новых мужика присоединились. Местная ребятня мне обзавидовалась, их опять никого не брали.

Большую часть дня мы ползли к Канску, по-другому это не обозвать. Я и поспать успел, и погулял рядом с телегами, и побегал. Ужас какой-то! Если отсюда до Питера так добираться, то лучше сразу повеситься. На моём джипе я б это бездорожье за час проскочил, а тут едем и едем, едем и едем, о-о-о... Даже пешком я реально быстрее бы дошёл.

Всем путешественникам этого времени нужно памятники ставить, и купцам тоже. Эх, с чем же я столкнусь, начав своими рудниками заниматься? Жутко представить. Раньше-то на вертолёт вжи-ик – и ты на месте, а теперь, как там молодёжь в двадцать первом веке говорила, полный пипец. Надо в любые планы вносить поправку: дорога! Не-е... ДОРОГА!!!

Проехав деревеньку Далай, сделали остановку на перекус у речушки Еланк. Тут уже собралась компашка из деревни Абанской: семь человек, на трёх телегах, все старые знакомые по торгу в Устьянском. Посудачили немного, и в путь. Слава богу, из молодёжи кроме меня всего один парень, и то лет семнадцати. Старшим со мной как бы невместно разговаривать, я у них просто «подай-принеси», а молодые, пообщавшись, могли бы, в конце концов, разобраться, что я не такой, как все, и маска тормознутого эстонца не помогла бы. Да уж, казачок я засланный. Пойдут пересуды, что за малец такой странный, а нам это на фиг не упало.

– Мишка, вставай, к Перевозному подъехали. – Софа потрепала меня по плечу.

– А... И где оно?

– Вперёд посмотри, дома уже видать. Если хочешь опраться²⁹, то самое время. Потом, куда не перевезут, не до того будет.

Чё-то я не врубаюсь: город-то где? Вон те сараюшки? Или

²⁹ Опраться – справить свои естественные надобности.

это не город ещё? Перевозное? Через речку, что ли? Я, спр-сонок не понимая, озирался. Похоже, здесь не так давно прошёл дождь, и дорожная грязь размокла. Слезая с телеги, рискую все ноги извозюкать.

Дед Ходок, глядя на мои раздумья – слезать или не слезать, – усмехнувшись, сказал:

– От ты, фря³⁰ кака! Эт-ка не грязь ещё. Вот бус³¹ месяц идтить буде, эвонде-ка грязь попре.

Ага, порадовал, блин.

Народ разошёлся по кустам, и я решил: не помешает мне тоже прогуляться, хоть проснусь. Когда собрался обратно в телегу залезть, меня остановил недовольный голос деда:

– Дурничка³², допережь³³ обутки³⁴ батогом³⁵ пожелуби³⁶, после уж в хайку³⁷ лезь.

Кажется, я ещё не проснулся.

Потихонечку доползли до деревни. Прокатились вдоль широкой и длинной улицы. Домишки тянулись одноэтажные и какие-то поблѣкшие, побитые временем. Затем открылся

³⁰ Фря – особа спесивая, задирающая нос (*сибирский говор*).

³¹ Бус – мелкий дождь (*сибирский говор*).

³² Дурничка – дурачок, глупость, дурные привычки (*сибирский говор*).

³³ Допережь – сперва (*сибирский говор*).

³⁴ Обутки – башмаки, обувь (*сибирский говор*).

³⁵ Батог – палка.

³⁶ Пожелуби – почисти (*сибирский говор*).

³⁷ Хайка – телега (*сибирский говор*).

вид на речку Кан и переправу через неё. А речушка неслабая такая, солидный паром ходит. На берегу в ожидании его пять телег и пара кибиток собрались. Мы пристроились следом.

Ждать перевоза пришлось долго. Паром еле ползал, другого определения не придумать. Пока нас перевозили, я залюбовался рекой. Вот бы отдохнуть здесь и порыбачить. Ха, до сих пор рассуждаю категориями двадцать первого века. А впрочем, если переберёмся в Канск, я там и на рыбалку смогу ходить.

Ночевать устроились на берегу. Завтра с утра на базар, тут до города всего пара вёрст осталась. Ужинали с прекрасным видом на речку и расположившееся за ней Перевозное. Издалека оно выглядело намного лучше, чем вблизи. Хозяйкой стола, как и в Устьянском, опять выступала Варвара Игнатьевна. Любят же некоторые женщины кормить до отвала всех окружающих. И я, как самый молодой здесь, похоже, попал под раздачу слонов. Остальные лишь посмеивались, глядя на нас. Ну, мне это на руку, дома дичь лесная уже притомила, рыба не радует, зайчатинки маловато. А у людей свининка – пальчики оближешь и пироги, которые Софа почему-то не печёт.

В конце концов дед Ходок решил заступиться за мой желудок:

– Варвара, хватит потачить³⁸ мальчика.

³⁸ Потачить – баловать (сибирский говор).

- Так не вытник³⁹ какой, гомоюн в дороге был.
- Да лопне. Турить⁴⁰ его от стола надоть.
- Ить лопне! С чаго?
- На завтре-то варево⁴¹ хоть остатца?
- Ша веньгать⁴², дородно⁴³ варева.
- Взаболь⁴⁴ ли?

Варвара только руками взмахнула, окружающие уже откровенно смеялись. Эта компашка мне нравилась всё больше и больше: устоявшаяся, люди хорошие, все друг другу рады. Борьба за очередной пирог, затолкнутый в меня, продолжалась бы, наверно, ещё какое-то время, но я решил свалить искупаться, а то точно лопну. Кивнул и, буркнув набитым ртом: «Спасибо», выбрался из круга сидящих.

Тут же сзади донеслось ворчание деда: не понравилось ему, что я без спроса ушёл.

- Эт-ка неслух! Чеслить⁴⁵ угощавшего надоть.
- На него сразу шикнули:
- Очурайся⁴⁶, послухмянный⁴⁷ малец.

³⁹ Вытник – бездельник (*сибирский говор*).

⁴⁰ Турить – гнать (*сибирский говор*).

⁴¹ Вареве – припас для кушанья (*сибирский говор*).

⁴² Веньгать – плакать (*сибирский говор*).

⁴³ Дородно – много (*сибирский говор*).

⁴⁴ Взаболь – в самом деле (*сибирский говор*).

⁴⁵ Чеслить – благодарить (*сибирский говор*).

⁴⁶ Очурайся – опомнись (*сибирский говор*).

⁴⁷ Послухмянный – послушный (*сибирский говор*).

Дальше я уже не слушал. Боюсь, к концу поездки сам поихнему зачирикаю. И чего, интересно, меня гомоюном назвали? Это, насколько помню, значит «работящий». Вроде ничего такого особого не делал, за лошадьми немного ухаживал, ну и телеги помогал из ям вытаскивать. Так скучно же, и тренировка хоть какая-то.

Берег не крутой, у самой реки кусты растут, там и разделся. Вода оказалась очень холодной, поплавать не удалось. Ничего не поделаешь, скоро зима. Быстренько ополоснулся и, стуча зубами, побежал обратно к костру.

Вернувшись, застал приход новой пары. Как их представил один из наших, это его ятровица⁴⁸ с мужем. Они принесли с собой два жбана пива, и мужики под неторопливый разговор их с удовольствием опустошили.

Проболтали до темноты, потом дед Ходок объявил отбой: – Надот-ка легчи⁴⁹. Заутро⁵⁰ вставать рано.

Некоторые леглись на землю, некоторые – в телеги. Мы с Софой устроились в своей, так теплее. Тут как раз и шкурки, привезённые на продажу, пригодились: и подстелить, и укрыться хватило. Легли вальтом.

На одной из телег всё никак не могли успокоиться, пока второй наш дедок не шикнул:

⁴⁸ Ятровица – сестра жены (*сибирский говор*).

⁴⁹ Легчи – лечь (*сибирский говор*).

⁵⁰ Заутро – завтра (*сибирский говор*).

– Да уторкаетесь⁵¹ вы, аспиды!

И тишина-а-а...

А мне что-то не спалось. В голове косяками бродили мысли о дальнейшей жизни. Чем же мне заняться через год-два-три? В данный момент есть золотая жила, и её разработка отнимет определённое время. Но это очень ненадёжный фундамент, строить на нём здание всей жизни смешно. Закончится жила или отберут её – неважно. И что? Искать в тайге новую малолетнему пацану?

«Это несерьёзно», – как говаривал Моргунов в роли Бывалого. Вариант пограбить, самый простой и любимый homo sapiens'ами всех времён и народов, для меня не подойдёт: маловат ещё. И вообще, грабёж не такой уж прибыльный промысел. Может, махинацию какую-нибудь денежную сварганить? Хм... не зная местной жизни? Ой, не смешите мои тапочки! Не-ет, лучше обратиться к опыту народа, всегда преуспевавшего на ниве делать деньги из ничего.

Вы часто видели нищих евреев? А бандитов-евреев? Ну, кроме Израиля, Америки и Одессы, разумеется. И ведь умудряются они неплохо жить и при этом не размахивать оружием. Конечно, взглянув на ценник у зубного врача, ты понимаешь: грабят, ох как грабят, гады! Но жизни твоей не угрожают. Вот и мне желательно найти похожее ремесло, чтоб люди сами деньги несли и радовались. Зубы не предла-

⁵¹ Уторкаться – угомониться, уснуть (*сибирский говор*).

гать, здесь я больше специалист насчёт выбить, а не вставить.

Идеально мне подходит ювелирное дело. М-да, «ювелиры, ювелиры, что выносят из квартиры золото, золото»⁵². Тьфу ты чёрт! Мысли опять на воровство съезжают. Да уж, зачем зарабатывать деньги, если они уже где-то лежат? Нужно просто пойти туда и взять.

Ладно, ювелирка – вещь мною любимая, займусь с удовольствием. Под неё и добытое на Волчьем ручье золотишко пойдёт, и найденные мелкие полудрагоценные камушки. Но тут встаёт проблема оборудования. С очисткой и переплавкой золота особых сложностей возникнуть не должно, а вот с обработкой ювелирных камней, боюсь, появятся. Полагаю, хорошие шлифовальные камни и приемлемую оптику сейчас трудно достать. Что ж, завтра в Канске постараюсь всё разведать.

И с юридической стороной вопроса следует разобраться. Открыть фирму? Или ювелирный магазинчик организовать и продавать там изделия с выдуманным клеймом? А собственно, чего выдумывать? Возьму клеймо своего заводика, не зря же дизайнер над ним месяц корпел. Впрочем, для ходового товара несложно и чужие клейма подделать, да и с раритетными безделушками стоит поиграться.

Я, помнится, друзьям по их просьбе частенько вещички под старину мастерил, причём с тем клеймением, с которым просили. Даже специалисты с трудом отличали мои новодел-

⁵² Слова из песни Михаила Шуфутинского.

лы от оригиналов. Значит, так тому и быть. Намоем побольше шлиха, купим дом в Канске, переедем и тут уж займёмся превращением золота в бумагу и серебряные монеты. За это время подрастём, скопим капитал, а потом можно будет и о приисках подумать.

Стоп! А не заняться ли сразу штамповкой монет? Хо-орошая мысль. Был в моей жизни один забавный случай. Однажды я с друзьями здорово напился, и они подбили меня соорудить денежный печатный станок. На следующий день прикалывались надо мной: думали, подловили, взялся Саша за невыполнимое. Ха-ха три раза! Через месяц я этих гавриков собрал у себя и говорю: «Ну что, обещал вам станочек – принимайте». Ух, как физиономии у них вытянулись! А когда я запустил машинку, и челюсти на пол упали. Минут через пять дача тряслась от дружного хохота.

Вырезать клише для денежной купюры – дело долгое и мне ненужное, но разговор-то был про станок, производящий деньги. ПРОСТО деньги! Любые. Вот я и наштамповал друзьям за пару минут полведра советских медных пятак. Так сказать, валюту почившей уже страны. Отсмеявшись, Вадик тогда, помнится, помотал головой и буркнул: «Опять выкрутился. Ничего, на чём-нибудь всё равно подловим».

Да-а, весело было. Нынче, правда, такой станочек изготовить тяжело, но можно собрать попроще. Важно штамп хороший сделать, а это не проблема, смастерим.

А Софе, думаю, прямая дорога в медицину, будет новое продвигать. Хотя, конечно, в саму медицину знахарку никто не пустит, но есть такая удачная по отъёму денег у населения область, как косметология. Вот там ей самое место. Она с первого дня интересовалась методами лечения в будущем, старалась понять, чего ж там новенького вывели потомки об организме человека, чего достигли в борьбе с эпидемиями и болезнями. От одних новостей приходила в восторг, узнав другие, сдержанно кивала, слышав про третьи, возмущалась.

Ей, например, очень не понравилась уринотерапия. Во крику было! Из всего монолога минут на пятнадцать я только и разобрал, что если наружно это полезным бывает, то внутрь лучше не употреблять. Другими методами быстрее вылечишься.

Вот спасибо, успокоила. Всю жизнь, бляха-муха, голову ломал, принять мне внутрь сие лекарство или не принять. Так, вспоминая её ругань, с улыбкой на лице я и уснул.

Глава 6

Подняли меня рано, рассвет ещё не наступил. Нашли молодого! Будивший парень мрачно выдал фразу, от которой я спросонок выпал в осадок:

– Хорошо вам тут-ка с мехами, а Петро вон околел. Ты костёр запали, да воду надоть принести.

Сон мгновенно слетел. Как околел? Помер, что ли?! Не, не может быть! Вряд ли об этом так спокойно говорили бы. Может, замёрз просто? На всякий случай уточнил у Софы. И оказалось, действительно, околеть в данное время – значит замёрзнуть, и никак иначе. Во приколы с утра пораньше. А у меня на родине так про умерших животных говорили. Да-а, велик и могуч русский язык. Иностранцам, считающим, что они его изучили, иногда можно лишь посочувствовать.

Пока разжигал костёр да за водой бегал, все встали. Завтракали недолго, быстренько сложили пожитки на телеги и в предрассветных сумерках двинулись в Канск. Все торопились занять места на рынке до прихода первого утреннего парома с очередными переправляющимися.

Когда рассвело, мы успели добраться до какого-то забора. Софа назвала его паскотиной; он, как я понял, не позволяет пасущейся скотине уходить далеко от города. Тут, наконец, я смог разглядеть и сам городок. Сразу взгрустнулось. Ё-ма-лай, и эта деревня – местный город? Да он по размерам как

село Устьянское, ну или чуть-чуть побольше. Есть ли смысл сюда перебираться?

Вид домов порадовал: красивенькие такие, каждый украшен резными наличниками вокруг дверей и окон, а также резными карнизами по краю крыши. Причём вырезано всё очень тонко, даже изящно, словно кружево. В моей родной Вологде подобных памятников зодчества тоже хватало, но кружево там выглядело поглубже. Видимо, сказывается разница в сотню с лишним лет.

О-о, да тут и двухэтажные дома имеются. А-ха-ха, так вот чем город от села отличается. Интересно, если третий этаж добавить, областной центр получится? Мать моя женщина! А в столице, пожалуй, уже и четырёхэтажки появились. Ох, Саша, куда ж ты попал, бедолага! Лишь сейчас начинает доходить до тебя, какая кругом отсталость. И что мы здесь будем делать? Вчера в облаках витал, в голове мысли бродили всякие, явно наполеоновские, а сегодня – эх-х... Можно сказать, из облаков прямо в грязь лицом угодил.

Это найденное золотишко меня с панталыку сбило, не иначе. Но чую, мозги мне окружающая действительность на место быстро вправит. И это я ещё заводов здешних не видел. Как представлю современную промышленность во всей её красе, прям страшно становится.

По улице навстречу нашему каравану ехал конный офицер, а следом за ним тянулась неопрятная серая толпа. Очередной пример местного колорита: эзков перегоняют. Груст-

ная картинка. Вроде идут бодренько, цепей ни у кого нет, а от физиономий безнадёгой за версту несёт. Вокруг них редкая цепочка таких же нерадостных конвойных топает.

Из ближайшего дома выскочила девчужка лет семи-восьми с буханкой хлеба, прошмыгнула перед нашей телегой и, отдав хлеб одному из арестантов, сразу же умчалась обратно. Тут и некоторые из ехавших с нами стали передавать несчастным свёртки с едой. Мне Софа сунула копчёного рябчика, завёрнутого в тряпку, и попросила: «Отдай». Ну, отдал: едва успел слезть с телеги, как ко мне метнулся невзрачный мужичонка, бережно, обеими руками принял угощение, кивнул и юркнул обратно в толпу.

Конвоиры старались смотреть куда угодно, но только не на перекочёвку продуктов. Потом уж мне объяснили причину такой невнимательности. Оказывается, этапные команды идут, можно сказать, на самообслуживании. Денег командиру на питание этаплируемых и конвоя дают мизер, и, чем жить впроголодь, вояки лучше не заметят подарки сердобольных поселян. Ведь на привале собранное делится на всех, в том числе и на конвой с офицером.

Что любопытно, по закону за передачу продуктов осуждённым человека могут и посадить, но, по уверениям Софы, такого никогда не случалось. То есть всё как всегда в России: законов хватает, но, когда надо, их не замечают.

Фу-у, похоже, мы наконец-то доползли до конечной точки нашего маршрута – базара. Взору открылась огромная пло-

щадь, размером с половину петербургского Марсова поля, но в отличие от него ужасно грязная. Э-э, опять я про время забыл. Скорее всего, Марсово поле сейчас не чище. Ого, да здесь даже пара каменных двухэтажек имеется, с магазинами на первом этаже. Туда определённо следует заглянуть и оценить ассортимент товаров.

Народа на базаре уже не меньше сотни человек собралось. Многие прямо с телег торгуют, но кое-кто и с прилавков. Наша компания свои телеги поставила плотно одна к другой и начала выкладывать привезённое на продажу. Мы с Софой обязанности распределили заранее: мне предстоит закупать необходимое на зиму (цены все оговорены), а знахарка займётся сбытом оставшихся мехов и бобровой настойки.

Взяв мешок, чтоб не светить покупки, я пошёл по рынку. Сначала внимательно осматривал товары, потом стал прицениваться. Первым делом купил себе нормальные башмаки и сразу надел их, далее взялся за одежду, а затем и по инструментам прошёлся. После уж за людьми наблюдал и окружающую обстановку оценивал. Канский базар отличается от торга в Устьянском: нет бесплатных туалетов, а за торговлю взимается плата.

Рассматривая покупателей, пытался определить, есть ли среди праздношатающегося народа воришки, но никого не заметил. Или я не туда глядел, или у них тут повадки другие, нежели у воров двадцать первого века. Ну не может в городке ссыльной Сибири отсутствовать публика, нечистая

на руку. Но сколько ни наблюдал за толпой, ничего подозрительного не усмотрел. Хотя городского видел: ходит в пожеванном мундире необъятный поросёночек и пыхтит сильнее паровоза. Как он с такой комплекцией преступников ловит, непонятно.

Решил поинтересоваться у знахарки тёмной стороной местной жизни:

– Софья Марковна, а как здесь дело с воровством обстоит? Балуют на базаре?

– Очень редко. Всё же Канск – маленький городок, и почти все друг друга знают, каждый на виду. Стоит кому-то разок попасться, и житья ему уже не дадут. Был случай, даже насмерть человека забили. Конечно, иногда лазят ночью по домам и на прохожих, бывает, нападают, но тоже не часто. Вот в Красноярске шалят изрядно: днём зазеваешься – кошелёк стащат, а ночью и зарезать могут.

Что-то в рассказе Софы задело мой слух. М-м, точно, «все друг друга знают, каждый на виду». И как тут прикажете ювелиркой заниматься? Нам же здешние кумушки сразу все косточки перемоют и вопросами задолбят. Откуда украшения, а? Где достаёте? Сами делаете? И что им отвечать? В голову приходят лишь два варианта: или Софья Марковна – уникам, одной рукой настойки с кремами варит, а другой золото разливает, или я – гениальный ребёнок, брошки с серёжками, как пирожки, пеку. Третьего не дано. Ага, и коза у нас самородками ср... э-э... нужду справляет.

Ладно, шутки шутками, но, полагаю, в действительности всё не так уж и страшно. Те, кто здесь куплей-продажей украшений занимается, не весь товар сами изготавливают, кое-что и из других городов получают. По почте подобные посылочки вряд ли кто им отправляет, значит, привозят люди, которым доверяют. И подозреваю, никто доставку такого товара не видел и не увидит в дальнейшем. Ну а мы-то чем хуже? Тоже можем сказать, что драгоценности нам привозят.

Кстати, местные ювелиры ведь и скупку золота у населения должны производить, официально – в слитках или монетах, а втихаря небось и шлиховое с приисков берут. Вот им-то добытое нами и следует сбавривать, когда прижмёт. Только осторожно и по чуть-чуть.

А что, если... Стоп, Саша, грабить мы никого не будем, не тот возраст, чтобы по чердакам и форточкам лазить. Хм... это я сейчас о прошлом возрасте подумал или о нынешнем? Ай, неважно! Ты, Александр, теперь солидный... пацан. У тебя вон две женщины на шее. И на кой чёрт, спрашивается, нужны эти мелкие риски? Одних крупных, запланированных тобою, уже лет на сто каторги наберётся.

От тягостных мыслей отвлекла подошедшая бабулька. Раскланялась с Софой, беседу завела, даже дед Ходок подтянулся с ней поболтать. Потом мне объяснили: она – местная достопримечательность, окружная повивальная бабка. Сколько человек родилось с её помощью, и не сосчитать, иногда таких детишек на свет божий выводила, каким и сто-

личные врачи не помогли бы.

До обеда успел несколько раз обойти весь рынок. Довольно дёшево приобрёл кайло с лопатой: какой-то кузнец сворачивался и уступил в цене. После прошёлся по лавкам вокруг площади. Цены там, как мне объяснили, выше базарных, но и качество продаваемых вещей зачастую тоже. На пороге первой же остолбенел: «смешались в кучу кони, люди»⁵³, ну то есть ткани, грабли, вилы. Увиденная картина напомнила некоторые маленькие, в основном сельские, универсамы из той жизни, когда их хозяева пытались забить небольшие помещения разнообразными товарами под завязку.

Покупателей обслуживали трое продавцов, все жутко прилизанные. Наверно, маслом волосы смазали. Я пополнил свой запас инструментов и хорошие, прочные сапоги себе купил. Правда, при этом узнал не слишком приятную новость: сапоги в данное время для массовой продажи одинаковыми делают. Нет правых и левых, каждый одевается на любую ногу. Немного неудобно и непривычно, но ходить можно. Не нравится? Иди к сапожнику, он на заказ выкроит то, что тебе надо, только раза в два дороже. Ой, да хрен с ним! Куплены на вырост, на пару размеров больше, чем требуется; портянок в два слоя намотаю – и так сойдёт.

В дальней комнате увидел оружие. Душа запела. Шпаги с саблями проскочил с ходу, они меня сейчас мало интересуют, а вот за осмотр огнестрела я взялся основательно. От

⁵³ Слова из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Бородино».

обилия старинного оружия с красивой отделкой сразу зарябило в глазах. Ё-малай! Да тут выставка раритета, не иначе. Это ж не девятнадцатый, это восемнадцатый век! Не удивлюсь, если в пересчёте на цены века двадцать первого здесь не одна тысяча зелёных бумажек валяется. Сюда нужно было моего приятеля-антиквара перемещать, он бы всласть порезвился, а мне, к сожалению, вся эта красота и на фиг не сдалась. Я не любитель разрисованных дуэльных пистолетов, да и аркебуза с резным прикладом и серебряной чеканкой по всему стволу мою душу не радует. Или это мушкет? Да какая, собственно, разница? В моих глазах они красивые игрушки, изящные пижоны, а мне необходимы хищные воронёные трудяги.

Постепенно рябь в глазах прошла, и я осознал очередную издёвку судьбы. Штуцеров и карабинов разных калибров полным-полно, но казнозарядок всего три штуки, и неясно, откуда они родом и кто ими разродился. Мелкашек дульнотарядных тоже раз-два и обчёлся. Ну а что ты, Саша, хотел? Ведь почти всё понял в тот момент, когда город рассматривал. О-хо-хо, надо долго со всем этим добром разбираться и внимательно изучать каждое ружьё.

Но не дают, гады: говорят, мал ещё. Револьверы в руки брать, соответственно, также не разрешают. Меня уже давно бы выперли из лавки, но совесть им, видать, не позволяет это сделать. Ха, или жадность: я тут много чего сторговал, вдруг опять какую-нибудь мелочь прикуплю. Оружие не продадут,

не стоит и рыпаться.

В результате пришлось оценивать магазинную коллекцию револьверов на расстоянии, и я там из более-менее приличного лишь пару шпилечных «лефоше» разглядел. Ладно, после обеда вместе с Софой сюда придём и потрясём этих маслом намазанных. Чем чёрт не шутит, может, у них в подсобке оружейная заначка припрятана.

В следующей лавке дела обстояли ничуть не лучше, но нормального оружия обнаружилось ещё меньше. И терпеть моё любопытство долго не стали, вытурили через несколько минут. Я даже не успел приглянувшееся зеркальце для Машки купить, как меня, схватив за ухо, вывели на улицу. Больно, зараза! Еле остановил удар локтем по почкам выводящему.

Только к своим подошёл, дед Ходок наехал:

– Ты где шлындаши⁵⁴? Демьяну надоть помогчи чёсанки утартать⁵⁵.

Чёсанки – это валенки их производства. А я после местных лабазов всё ещё злой был, захотелось высказать деду пару ласковых. С какого боку, спрашивается, моя персона к их валенкам прилепилась? У нас с Софьей Марковной и свои дела имеются. Но, подумав, всё-таки сдержался. Да бог с ним, люди нормальные, поможем. Однако требуется напомнить им о наличии у меня собственного начальства. Де-

⁵⁴ Шлындать – бесцельно бродить (*сибирский говор*).

⁵⁵ Утартать – унести, утащить (*сибирский говор*).

монстративно повернулся к Софе и замер, она улыбнулась и кивнула. Дед аж хрюкнул, увидев такое.

Я же, отвечая ему, постарался повторить их говорок:

– Эт мы зараз.

– Хот баял⁵⁶ я, ушлый⁵⁷ он у тя. Уж думал, ертачиться⁵⁸ буде. Иш как зыркат⁵⁹. Огневой⁶⁰ паря!

Вся компашка смотрела на нас с Ходоком и улыбалась. Не понял: я что-то пропустил? Уж не подначить ли меня сейчас пытались? Глянул на Демьяна, с которым предстояло идти, а он весело усмехнулся, подмигнул мне и, подхватив на плечи два мешка с зерном, пошёл с рынка, не оборачиваясь. Ладно, с приколистами потом разберёмся. Я взял мешок с валенками и потопал следом.

Идти пришлось не так уж и далеко, минут через двадцать были на месте. Крупная румяная девица, открыв ворота и забрав у меня мешок, попросила подождать во дворе, а Демьяна в дом увела. Ну, мы не гордые, мы подождём, заодно осмотримся. Усадьба ухожена, дом одноэтажный, но большой. Во дворе два строения: одно, похоже, амбар, а второе явно кузница – из трубы густой дым идёт, и звон оттуда пе-

⁵⁶ Баять – говорить (*сибирский говор*).

⁵⁷ Ушлый – сообразительный, обучающийся на ошибках других людей (*сибирский говор*).

⁵⁸ Ертачиться – упорствовать (*сибирский говор*).

⁵⁹ Зыркать – смотреть (*сибирский говор*).

⁶⁰ Огневой – бойкий, горячий (*сибирский говор*).

риодически слышен.

Это я удачно зашёл. Обычно я особым любопытством по отношению к чужому жизненному укладу не страдаю, но здесь не смог устоять перед соблазном и сунул нос в кузню: хотелось понять, как тут дело с первичной металлообработкой обстоит, тем более дверь широко открыта. В помещении, у наковальни, боком ко мне стоял здоровенный детина и изредка обстукивал что-то кувалдой. Вдоль стен верстаки расставлены, разнообразный инструмент над ними развешан, а в углу печь жаром пышет. Надо признать, прилично всё устроено, чистенько так и порядок во всём.

Минуты через две, вероятно почувствовав моё присутствие, детинушка положил инструмент и повернулся. О, да это ж кузнец, у которого я кайло с лопатой купил. Меня, кажется, тоже признали.

– Понадобилось что? Иль недоволен чем? – спросил мужик вроде нейтрально, а сам хмурится.

Не-е, на фиг, на фиг такому мордвороту претензии предъявлять. Этот дядя напоминает мне известного циркового силача из того времени, Валентина Дикуля. Правда, «чуть» пошире того в плечах, раза этак в полтора, и на голову выше. Постарался сразу объяснить: я, мол, просто мимо с мешком проходил, вот и заглянул на звон. А кайло нравится, даже не сомневайтесь, я его уже почти люблю. В смысле кайло. А лопата вообще загляденье.

Немного поболтали. Нормальный мужик оказался, иной

на его месте послал бы юнца любопытствующего далеко и надолго, а он разговаривает как с ровней. Занятный товарищ, собирается в кузне паровой котёл соорудить и паровую машину к нему до кучи. Кулибин доморощенный! Мечтает свой завод оборудовать, станки поставить.

Мне удалось ненавязчиво выяснить, какие трудности у него возникли. Я, возможно, и не большой специалист по паровым машинам, но кое-что знаю. Моя жена лет пять назад диссертацию писала на тему паровозостроения – об эволюции паровозных котлов и всех приспособлений к ним. Я ей помогал как мог. И тексты приходилось на компе набивать, и чертежи с плакатами аккуратненько вычерчивать, да и уши мне все прожужжали, рассказывая об особенностях того или иного агрегата. Крепко всё в памяти засело.

Осторожненько начал подсказывать варианты решения проблем. Сначала он хмыкал, потом заинтересовался. Слово за слово, и поведал я ему об основных моментах, а также о тех сложностях, что могут у него возникнуть.

Минут через пять подошёл Демьян, и, пока кузнец задумчиво чесал в затылке, мы по-тихому свалили. На обратном пути прошли мимо ювелирной лавки, и я, воспользовавшись случаем, расспросил Демьяна о жизни и работе золотых дел мастеров. К сожалению, знал он мало, хотя одна новость моё внимание привлекла. Ему приятель рассказывал, ювелиры здесь дорого покупают только монеты, а золотой песок выгоднее сдавать начальству с приисков или перекупщикам.

Уточнять, где искать тех и других, я не стал, информации для размышлений и так хватает.

Вернулись вовремя: наша компания устроила обеденный перекус, этакий шведский стол вокруг телеги. Свой сухпак запивали купленным на базаре сбитнем. Как понимаю, я впервые попробовал настоящего сбитня. Очень понравилось. В том времени мне ничего подобного пить не доводилось. Разучились потомки готовить? Или я настоящих мастеров не встречал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.